

КНЯЖНА
СТО ДВЕНАДЦАТОГО
ОСКОЛКА

Динара Смиidt

Динара Смиidt

Княжна сто двенадцатого осколка

«Издательские решения»

Смидт Д.

Княжна сто двенадцатого осколка / Д. Смидт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905335-0

Вот уже сотни лет пустыня мало-помалу пожирает Забытый мир. Лишь магия Арида, своенравного демона-правителя, бережёт людей от гибели в песках. Легенда говорит, что всему виной проклятие, наложенное мстительной богиней... Но служанке по имени Кая нет дела до легенд. Её забота — юная госпожа, княжна Ивлин. Беречь её и защищать — единственная цель в жизни Каи. Задача не самая простая, ведь Ивлин обладает особенным волшебным даром, настолько необычным, что он привлекает внимание самого Арида.

ISBN 978-5-44-905335-0

© Смидт Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	62
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	66
Глава 13	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Княжна сто двенадцатого осколка

Динара Смигт

© Динара Смигт, 2018

ISBN 978-5-4490-5335-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Стоя на возвышении, Вуд наблюдал за тем, как отец губит осколок. Хотя нет, слово «губит» здесь едва ли подходило. Оно предполагало непосредственное участие, как если бы правитель сам въехал в ворота и принялся громить всё вокруг, рушить дома и рубить головы. Ариду не было в том нужды. Он просто оборвал поток магии, защищавшей осколок, а пустыня и псы доделали работу, быстро и методично.

Оставалось разве что пронаблюдать за исполнением, и для этого правитель отправил Вуда. И именно его – чёрную фигуру на чёрном жеребце замершую, как обсидиановая статуя на холме, видели обезумевшие от ужаса жители, метавшиеся по полыхающим улицам.

Осколок лежал перед ним раскрытой книгой. Горели дома, видевшие зарю правления ещё прежнего Арида. Столб дыма поднимался вверх и растворялся в ночном небе. Пламя перекидывалось с одного здания на другое. Среди жадных языков бились живые тени. Уже к следующей ночи солнце и пустыня превратят осколок в занесённый песком призрак, а спустя неделю никто и не поймёт, что недавно на этой земле жили люди – разве что обгоревший остов городской ратуши будет одиноко торчать среди дюн.

Началось всё на закате. Сначала, один за другим, смолкли фонтаны. Все до единого: и мраморные громадины, украшавшие главную площадь, и те, что поменьше, с чашами, выложенными плиткой, где женщины стирали бельё, и даже совсем маленькие, садовые, прятавшиеся в цветочных клумбах. В это время на улицах осколка было, как всегда, шумно. В парках играли музыканты. На торговых площадях открылся вечерний базар. Лаяли собаки. Дети, гонявшие на поле мяч, торопились заработать ещё очко, пока родители не загонят их домой. Потому-то никто и не заметил, как из привычной, каждодневной симфонии стали исчезать ноты: журчание ручейков, шёпот каналов, звон фонтанов.

А потом раздался крик. Это хозяйка таверны вышла во двор набрать воды, и увидела, что источник иссяк – только лужи блестели на дне бассейна. Каменное морское чудовище, из пасти которого раньше била струя, стояло, выпучившись, будто бы само не понимало, что случилось. Женщина уронила ведро и завопила.

Крик разорвал полотно привычных мирных звуков, нарушил вечернюю идиллию. Вуду показалось, что закричал сам осколок – и дома, и садовые деревья, и покосившиеся заборы, и статуи, и ступени, и скамейки, все завопили в один голос.

На крик сбежалась толпа.

– Что такое? Пожар? Убийство?

Женщина указала дрожащим пальцем на пустой бассейн, и ничего более не нужно было объяснять. Все разом поняли: нужно бежать. Спасать единственное, что у них осталось – жизни.

Тем временем, из-под крылец и из проулков уже выползали тени. На мягких бесшумных лапах, они побежали по улицам, наслаждаясь всеобщим смятением и густым запахом страха, затопившим улицы.

– Свора! – раздался крики. – Повелитель спустил свору!

Люди бежали к дороге, но демоны преграждали им путь. Они скалили клыки. Их глаза горели красным пламенем. Погоня до того захватила их и взбудоражила, что они перестали быть тенями и обрели форму: стали, на самом деле, похожи на свору диких животных, вырвавшихся из преисподней.

Вуд чувствовал, как внутри него закипает гнев. Вот только на кого он злился? На отца, которому так легко было забрать свою милость – оборвать магию, как тонкую нить? Или на самих жителей несчастного осколка, которые своей глупостью навлекли на себя гнев повелителя? Или же на себя – за то, что смотрел и не ударил палец о палец, чтобы помочь?

Далеко на востоке, у самого горизонта, чернела каменная гряда. За нею прятались ворота Чертога. Дорога, что вела к нему, извивалась и серебристо поблескивала среди песчаных холмов.

Вуд начал медленно спускаться с возвышения. Его молчаливая свита следовала за ним. Люди бежали прочь с их пути. Где-то в глубине осколка ревел младенец – или это ветер обманывал слух? Воины рассеялись по улицам, как низкий стелящийся туман. Они искали, методично, быстро обшаривали каждый дом, каждый угол.

Мальчишка-оборванец выбежал из проулка, спасаясь от прыткой тени, и едва не угодил под копыта коня. С криком он упал, покатился кубарем по земле, и один из демонов набросился на него. Вуд отогнал призрачное существо и протянул мальчику руку, но тот шарахнулся и проворно исчез за углом.

Оглушительный грохот разнёсся по улицам.

– Принц, мы нашли, – к нему спешил один из воинов, – там, в библиотеке.

Вуд кивнул и пришпорил коня.

Библиотека была двухэтажным зданием с выступающим ризалитом, широким четырёхколонным портиком и высокой крышей. Огонь, занятый соседними деревянными зданиями, пока не тронул мраморных стен, а лишь присматривался, принохивался, выбирая с какой стороны подступить. Едкий дым объял здание, превратив его в мраморный белый остров среди клубящейся черноты.

Вуд пробормотал заклинание, и огонь нехотя отступил. Пришпорив коня, принц въехал в двойные двери и оказался в длинном зале с высоким потолком. Спешился. Огляделся. По обе стороны шли ряды книжных полок из золотистого светлого дерева. Книги красовались в богатых кожаных переплётах. Потолок украшала сложная резьба.

Стянув с руки перчатку, Вуд прикоснулся к толстому фолианту, лежавшему на пюпитре. Слегка сдвинул страницы, и вот, на обресе проступил монохромный рисунок – пресловутая легенда о Драконе и Богине. Вуд покачал головой и оставил книгу в покое.

Дальняя стена зала библиотеки обвалилась. Воины разгребали завал, расчищали дорогу для принца. Жрецов, пытавшихся обороняться, выдворили из здания, заключив в железные оковы.

– Принц, – окликнул лейтенант, – здесь.

Вуд перебрался через обломки, рваный камень, дерево и обрывки фолиантов к тайной винтовой лестнице. Раньше её скрывали книжные полки и толстая стена. Вуд первым спустился вниз, в небольшую скрытую пещеру. В центре, сияя в полутемноте и почти упираясь вершиной в потолок, возвышалась ледяная арка, в пролёте которой замерло белоснежное существо. Фигура его напоминала человеческую, а кожа состояла из миллионов ледяных кристаллов. Тонкие трёхпалые руки были прикованы цепями к опорам арки.

Вуд замер – изумление на миг пробилось сквозь мрачный туман в голове. Воины тихо переговаривались за спиной. Пусть лишь немногие поняли, что именно было перед ними, каждый, тем не менее, почувствовал исходившую от существа силу, и ощутил то невыразимое чувство, которое поселялось в груди любого, кто сталкивался с Привратником.

От арки веяло холодом. Несмотря на бушующий в осколке пожар и жгучую пустыню под боком, стены пещеры покрылись инеем. Магия Привратников была древнее огненных песков Забытого мира, и брала начало ещё в мифической Чудотворной Эпохе.

Вуд подошёл к Привратнику, и коснулся снежного лица. Глаза медленно открылись – пустые и прозрачные – и существо потянулось к нему, туго натянув свои цепи, как пес на привязи.

– На кой им сдался Привратник? – спросил один из бойцов-ветеранов, понявший, что перед ними за находка. – На кой он им сдался? Они ведь даже пользоваться им не могут.

Вуд рассеянно кивнул. Когда в последний раз ему попадался Привратник? Он уж и не помышлял, что доведется столкнуться с ещё одним. Вуд убрал руку, с некоторым усилием разрывая контакт, и Привратник тотчас закрыл глаза и замер.

– Нужно доставить его к отцу. Владыка решит, что с ним делать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЗАБЫТЫЙ МИР

Глава 1 Оживший манекен

ТЕПЕРЬ

Ранние зимние сумерки лебяжьим пухом опустились на предпраздничный городок. Огни в витринах, мостовые, усыпанные блестящей мишурой, яркие бумажные пакеты в руках спешащих покупателей – это время было для Ив любимым в году. С раннего утра она работала в мастерской. Как всегда, приближение Дня Богини означало для «Узелка» наплыв клиентов. Дамы торопились внести завершающие штрихи в свои праздничные туалеты. Кому-то нужно было ушить в талии, кому-то пришить лишний бантик, кто-то вдруг решил, что белые перчатки слишком белые, и нужны другие, цвета слоновой кости и вышитые жемчужинами. Такие хлопоты не были Ив в тягость. Она любила день Богини больше любого другого праздника, и за работой иголка так и мелькала в пальцах, а улыбка не желала сходить с губ.

«Узелок» закрывался ровно в семь вечера, но когда часы на городской башне пробили шесть, мать Ив поднялась из-за стола, расправила затекшие плечи, и, погладив дочь по голове, сказала:

– Пойду, пока рынок не закрылся, куплю сладостей к ужину.

– И цветов, купи цветов, – напомнила Ив. – Серебристых розочек.

– Они и стоят, будто вправду из серебра... – мать подняла бровь. Ив отмахнулась.

– Ну, ведь праздник же!

– Ладно, ладно. А ты не засиживайся допоздна. Закрой магазин, доставь заказ и тот же час беги домой, поняла? Поможешь мне с ужином.

– Закрою, доставлю, прибегу, помогу, – легкомысленно прощebetала Ив, не отрываясь от тончайшего кружева в руках. – Я поняла, мам. Ну, ступай уже! Я всё успею вовремя, вот увидишь.

– Мне бы хоть чуточку твоего оптимизма.

– Отрежу тебе кусочек, перевяжу ленточкой и оставлю под подушкой, как добрая фея.

Мать послала Ив воздушный поцелуй, – который та поймала и сунула в карман передника, – и вышла за дверь, оставив дочь за работой. Серебряный колокольчик прозвенел хозяйке вслед, а мороз успел-таки проскользнуть внутрь и пробежаться невидимыми холодными пальцами по разодетым манекенам, аккуратным свёрткам тканей и открытым рукам мастерицы.

Мать Ив, с корзинкой в руке и дочерью в животе, приехала в этот городок, носивший название Брикеш, пятнадцать лет назад. Сначала, она пришивала пуговицы в маленькой мастерской. Потом, поднакопила денег и открыла собственное ателье, назвав его незатейливо – «Узелком».

Впрочем, незатейливым в «Узелке» было лишь одно название. Витрина с чёрными манекенами, одетыми в короткие красные платьица и кокетливые шляпки привлекала взгляды прохожих не хуже кондитерских лавок. Для пушшего сходства внутри стоял аромат корицы и ванили. Оформление, сочетающее тёплые карамельные тона с яркими брызгами искусственных цветов, было одновременно дерзким и уютным. Входя, посетители невольно оглядывались в поисках камина – им казалось, что они слышат потрескивание поленьев и ощущают на коже

приятное тепло, но нет, камина в комнате не было. В конце концов, это была швейная мастерская, и мать боялась огня.

Ив с малолетства во всём помогала матери. Городские модницы души не чаяли в девочке, и, возвращаясь вновь, обязательно несли ей подарки: шоколадные пряники, карамельные трубочки и даже розовые сахарные яблочки – вот уж поистине редкость!

– Какая же миленькая у вас дочка! – восклицали дамы. – Ну, просто лесной эльф!

И это притом, что Ив едва ли можно было назвать красавицей. Природа будто бы посмеялась над ней, наградив и большими ярко-голубыми глазами, и густыми волосами, насыщенного золотого цвета медовых сот. Однако эти традиционные элементы классической красоты были совершенно не к месту. Кожа от долгих часов на солнце становилась бронзовой, и светлые глаза на тёмном лице смотрелись чудно. Волосы, заплетённые в две бойкие косички, сохраняли насыщенный цвет лишь на кончиках, а на макушке выгорали, делаясь соломенными и блёклыми.

Но дело было не во внешности, а в чём-то другом, неуловимом и не поддающемся описанию, что чувствовал, тем не менее, любой, кто встречал Ив.

– Будто бы солнышко спустилось с неба и поцеловало эту девчушку в колыбельке, – сказала однажды старая повитуха, принимавшая у матери роды, и частенько захаживавшая в гости. Лучше было и не выразить.

Саму Ив всё это мало заботило. Неугомонный дух попросту не оставлял ей времени на то, чтобы посмотреть в зеркало. Она готова была до изнеможения водить на лугу хороводы, играть с городской ребятней в мяч, лазить по деревьям в лесу, чем и занималась каждую минуту, свободную от работы в «Узелке».

Платье, над которым Ив работала в тот вечер, предназначалось для госпожи из Сиреневого дома – немолодой, элегантной дамы, которая оставляла щедрые чаевые, а во время примечок болтала о приёмах: о блюдах, которые Ив никогда не пробовала и о важных людях, которых Ив не знала. Накануне госпожа из Сиреневого дома подарила Ив настоящую золотую монету. Просто богатство! На такие деньги можно было купить двадцать восемь стаканчиков фруктового льда... или шесть пирожных-розочек... или три карамельные фигурки. Нет, не в этот раз. На золотую монету у Ив были другие планы. В тот же день, ускользнув от матери, девушка купила в лавке ювелира серебряный кулон в форме яйца.

Лёжа на витрине среди изящных товаров из золота и розового жемчуга, он как будто бы смущался своей незатейливой простоты. Но будь у девушки в тот вечер хоть все богатство мира, она всё равно не выбрала бы ничего иного. Ив не могла на него налюбоваться. Весь день она то и дело украдкой заглядывала в ящик стола, куда спрятала кулон, и смотрела на поблескивающее в глубине серебряное яйцо.

У матери было всего одно-единственное украшение – старый кулон, свитый из тонких серебряных нитей, потемневших от времени. Она носила его, не снимая, столько, сколько Ив себя помнила. Когда-то внутри кулона, среди переплетения серебряных нитей, лежала пропитанная духами подушечка. Запах давно выветрился, да и сама подушечка рассыпалась, превратившись в труху, и всё-таки мать то и дело подносила кулон к носу, как будто ещё чувствовала его аромат.

«Ей давно пора обзавестись новым», – заключила Ив.

Она не могла дождаться завтрашнего утра, когда мать найдёт подарок под подушкой. И была так благодарна госпоже из Сиреневого дома, что попросила стразы на её платье сиять особенно ярко. В ответ те вспыхнули, забыв, что сделаны из стекла, а не из звёздных осколков.

Ив почти не отрывалась от работы. Лишь раз она подняла голову, и нахмурилась в сторону мутного от ледяных узоров окна. Ей вдруг стало холодно, и показалось, будто кто-то наблюдал за ней с улицы. Высокое окно пестрело праздничными огнями, разгорающимися всё

ярче по мере того, как сгущалась ночь. Иной раз по его поверхности проскальзывали тени прохожих и дилижансов. Но никто не стоял, наблюдая за ней. Ей лишь почудилось.

В семь часов Ив повесила на дверь табличку: «Извините, мы закрыты». Подумав, она приписала: «Благослови Вас Богиня», но тут же стёрла мел, посчитав надпись старомодной, и вывела вместо этого: «С праздником!» Коротко и просто. Затем девушка, задёрнув плотные багряные шторы, отрезала крошечный мир «Узелка» от большого и яркого внешнего мира, и вновь сосредоточилась на платье. Капли падали, отмеряя время, в чашу клепсидры на полочке за спиной, и руки двигались в такт ритму, быстро и аккуратно.

Когда Ив, наконец, закончила, башенные часы успели пробить восемь. Ох, и припозднилась же она! Ещё немного, и госпожа из Сиреневого дома пришлёт служанку, разузнать, что случилось с платьем для завтрашнего праздничного обеда.

Ив завернула платье в плотную красную бумагу и перевязала лентой. Мать, должно быть, волновалась, гадая, отчего она так задержалась, но перед тем как отправиться домой, нужно было доставить заказ в Сиреневый дом.

Мать Ив отчего-то особенно не любила отпускать от себя дочь после наступления темноты. Брикеш был тихим городком, где жители знали друг друга в лицо, а бесчисленные фонари делали ночи едва ли не светлее дней. И всё же, едва лишь сумерки заволакивали небо над островерхими крышами, мать задергивала шторы и зажигала лампы, и старалась (по мере того, как Ив становилась взрослее, это давалось всё трудней) не спускать с дочери глаз. Ив это порой раздражало, но не то, чтобы тревожило.

– Она заботится обо мне, – говорила она своему коту Клубочку, – Все матери такие.

Приглядысь она внимательнее, то непременно заметила бы, как задумчиво и грустно глядела иногда мать, и с каким облегчением, как будто гора падала с плеч, она встречала дочь, стоило той чуть задержаться на рынке или в мастерской. Тогда Ив уж точно заподозрила бы что-то неладное в поведении матери. Но Ив не приглядывалась, и потому не замечала.

Конечно, в их доме были свои тайны. Ив, к примеру, почти ничего не знала о жизни матери до своего рождения, о том, где та выучилась рисовать защитные знаки и находить в лесу целебные травы. И самое главное – Ив не знала, кем был её отец. В детстве она частенько фантазировала на эту тему. Был ли он бравым морским пиратом с глазами цвета волн, сошедшим как-то на берег и очарованным юной швеей? Или – что если мать была пассажиркой судна, которое попало к нему в плен? Он, конечно, не сумел устоять перед её прелестью, а она – как могла не полюбить отважного, лихого капитана? Разумеется, как самые лучшие истории любви, их любовь была трагической. Сгинул ли он в опасной пучине? Или пал в кровавом бою? Или же закончил свой век на виселице – как многие другие пираты?

Но то были лишь фантазии маленькой девочки. Её отец не был ни пиратом, ни рыцарем, ни королём, ни волшебником. Скорее, он был просто-напросто проходивцем, бросившим её мать с ребёнком в чреве и без гроша в кармане. Таких историй вокруг – пруд пруди. Нечему удивляться. И не над чем страдать. Ив перестала спрашивать, не желая тревожить материнские раны расспросами о чужом и ненужном человеке. Если мать захочет рассказать, она расскажет, не по годам мудро рассудила Ив.

И кстати, о матери... Ив сделалось совестно. Как она могла так увлечься работой, что забыла о времени? А ведь ещё нужно отнести платье.

Ив не часто прибегала к своим «маленьким хитростям», но иногда они были просто необходимы. И сейчас, несмотря на неодобрение матери, которое несомненно последует, Ив решилась воспользоваться одной из них.

Она убедилась в том, что все окна плотно прикрыты шторами, и никто с улицы – если даже подойдет вплотную к витрине и уткнётся носом в стекло – не разглядит того, что она собиралась сделать. Ив ощутила покалывание в ладонях, облизнула пересохшие губы, и оглядела мастерскую, будто ожидая, что из-под стола выскочит кто-нибудь с криком: «Ведьма!»

«Но я не ведьма», – подумала Ив.

Подойдя к одному из манекенов, она коснулась деревянной головы, и произнесла:

– Побудь сегодня мной, хорошо?

Это не было заклинанием. Это была всего лишь просьба, произнесённая мелодичным и нежным голосом. Не было таинственных рун и зловещих дымящихся котлов. И если бы кто-то увидел Ив в ту самую минуту, он подумал бы: «Именно таким ведь и должно быть волшебство!» Но никто не видел. Она творила свои чудеса втайне от всего мира, под защитой обнесённого магическими кругами «Узелка».

Манекен вздрогнул, будто просыпаясь ото сна, и спрыгнул со своего постамента на шерстяной ковёр, неслышно, как кошка. У него не было ни глаз, ни рта, ни ушей, но они были и не нужны.

Ив застегнула на его плечах свой старый плащ с капюшоном и вручила свёрток.

– Вот это нужно доставить в Сиреневый дом. Поторопись, пока волшебство не испарилось.

Так уж обстояли дела с волшебством – оно не длилось долго.

Манекен отвесил Ив поклон, и Ив тоже со смехом поклонилась манекену, а когда тот шмыгнул за порог, погасила лампы и тайком, озираясь, выбралась через заднюю дверь – не хватало ещё, чтобы кто-то заметил, как две Ив покидают «Узелок» в разных направлениях.

Волшебство работало просто замечательно. Едва ступив на зимнюю мостовую, манекен перестал быть деревянной куклой. Вместо этого, вечерние прохожие видели юную девушку в платье цвета фуксии и длинном плаще. Никому и в голову бы не пришло искать то, что скрыто под искусной маской.

Ив ликовала. Она спешила домой, сжимая в руке подарок, приготовленный для матери. Она полагала, что маленькая уловка вручила её и позволила сберечь драгоценное время, и представить не могла, что волшебство обмануло не только случайных прохожих. Оно обмануло свору сумрачных псов, затаившихся на пороге «Узелка». Мать Ив ушла засветло, и потому не увидела, как эти существа окружили мастерскую вместе с ночной темнотой. Защитные круги не пустили их внутрь, но псы – и не псы вовсе, а скорее туманные очертания, как клубы чёрного дыма, принимающие облик дикой стаи – не собирались сдаваться. Они ждали, невидимые для глаз обычных людей. Ждали Ив.

Сумрачные псы были низжайшей кастой обитателей Чертога. Они были сильны, быстры и живучи, но не обладали магическими знаниями. Нехитрое волшебство Ив, от которого любой другой демон отмахнулся бы как от мотылька, сбило их с толку, и они бросились в погоню за деревянной куклой, в то время как их ускользнувшая добыча, ничегошеньки не подозревая, торопилась домой.

Глава 2

Трещина в небе

ТЕПЕРЬ

Путь домой лежал через пустырь. Заиндевелая трава хрустела под ногами. Небо уже совсем потемнело, и высокие тучи укутали луну. Огни города остались далеко позади, а впереди чернел, подступая с севера, лес.

Ив шла быстро, глубоко зарыв руки в карманы пальто. Ранняя зимняя ночь и долгая одинокая дорога нагоняли на девушку неясную меланхолию, будто бы она скучала о чём-то. Она попыталась воскресить в памяти приснившийся накануне сон. Тот, как солнечный зайчик, дразнил её и никак не давался в руки. Вроде бы, ей снилось платье: длинное, из струящейся, меняющей цвет ткани. И снег... снежинки в виде бабочек.

– Как странно, – раздался совсем близко голос, и Ив подпрыгнула от неожиданности.

Это оказался всего лишь пожилой мужчина в прогулочном костюме. Он тяжело наклонился, поднял с земли палку, и бросил собаке.

– Вы что-то сказали? – спросила Ив, останавливаясь.

– Небо, говорю, – он ткнул вверх тростью, будто хотел проткнуть облако, – Странное оно сегодня.

Ив вскинула глаза к тёмному куполу. Небо как небо, ничуть не странное.

– А что с ним не так? – спросила она.

– Ну, как же! Такое чудное сияние. Ни разу не видел ничего подобного. Не иначе, как благословение Богини.

Ив не видела никакого сияния – разве что, изредка, то тут, то там блеснёт из-за туч звёздочка. Должно быть, пожилой господин был просто не в своем уме. Она пожалала плечами и продолжила свой путь. Однако слова встречного отчего-то не желали покидать её мысли.

«Странное небо. Странное небо», – скрипели замёрзшие травки под подошвами ботинок.

«Какое странное небо», – нашёптывал ветер.

Ив вспомнила, что до неё то и дело долетали обрывки фраз вроде:

«Ох, гляди, как красиво!» или: «Что это? Уж не северное ли сияние?»

Девушка отнесла эти возгласы на счёт каких-то необычных украшений. Как обычно в праздник, Брикеш пестрел чудесными огоньками, переливавшимися в ночи. Но, кто знает, может быть, те люди говорили вовсе не об украшениях? Что если они тоже говорили о небе? И могли ли они заметить там что-то, чего Ив не видела?

Девушка снова посмотрела вверх. Вгляделась. Прищурилась. Покрутила головой то так, то эдак, полагая, что, может быть, нужно просто поглядеть под правильным углом...

И тогда, внезапно, она увидела – тёмный ночной бархат пересекала тонкая вертикальная линия, горящая рубиновым огнём. Будто бы трещина в стене, через которую пробивается из другой комнаты свет. Сияние, просачиваясь, разливалось по всему небосводу, и чем дальше Ив глядела, тем ярче оно разгоралось. Как она могла раньше его не заметить?!

А потом она моргнула, и полоса исчезла, будто её и не было. Небо вновь почернело. Теперь, как Ив ни смотрела, как ни крутила головой, как ни прищуривалась, сияние не возвращалось.

Очень странно. Может быть, это и впрямь благословение Богини?

«Нужно спросить у матери, – подумала Ив. – Мать наверняка знает».

Их дом стоял одиноко, в уютной ложбинке невысоких холмов, на краю пустыря. Он был невелик, доски старого крыльца подгнили, а крыша нуждалась в ремонте, но это не имело зна-

чения ни для матери, ни для дочери. Главное, он был своим, а значит, самым лучшим. Неподалеку протекала речка, и летом, когда Ив открывала на ночь окна, журчание воды ласково убаюкивало.

Домик был обнесён деревянным забором. Калитку и порог соединяла узкая кирпичная дорожка, по сторонам которой скрутили на зиму листья вечнозеленые рододендроны. Вдоль забора и под окнами пустая земля ожидала весенних посадок – там мать выращивала травы, которые использовала для мазей и припарок.

Кот выбежал на крыльцо, когда девушка отворила калитку. Поймал когтями полу её длинного пальто. Ив подняла его на руки, и потёрлась замёрзшей щекой о тёплую шерсть.

– Пойдём-ка в дом, приятель, – сказала она.

Клубочек был ей верным другом уже пять лет, с тех пор, как Ив спасла его из бурного потока весенней речки. Она увидела тонущего котёнка, и прыгнула за ним в воду. Мать была вне себя, когда Ив появилась на пороге, промокшая до нитки, с худеньким уродцем в руках. Но Клубочек сполна отплатил Ив своей не кошачьей привязанностью.

Отворив дверь дома, Ив шмыгнула в тепло. Она сняла пальто и оставила его в прихожей. В печи трещали поленья. Стол был накрыт новой скатертью – мать и дочь сами вышили её края золотыми нитками. Ив улыбнулась, увидев в центре вазу с букетом серебристых цветов.

– Мам, – Ив позволила коту спрыгнуть на пол, – я дома.

– Ну, наконец-то, – раздался голос матери из кухни. – Ну-ка, иди сюда, пособи мне.

Согнувшись над kloкочущим котелком, мать размешивала урчавший в нём суп.

– Подай-ка базилик и горстку розмарина, – скомандовала она, едва дочь появилась в дверях.

Ив поспешила выполнить поручение. Аромат, витавший в кухне, напомнил ей, как сильно она была голодна. Усталость суматошного дня медленно расплзалась по телу. Ну да это ничего, ведь завтра ждал праздник. Будут игры и соревнования, танцы и песни. В храмах принесут в жертву белоснежных куропадок и зажгут миллионы белых свечей. Хозяева богатых домов дадут пышные приёмы. Дети будут наряжать статуи Богини: обернут её плечи шёлковыми шарфами, повяжут запястья пестрыми лентами, и увенчают голову лилиями – бумажными, ведь мало кто мог позволить себе живые цветы вне сезона.

С утра мать испечёт пирог с сушёными фруктами, и отправится к господину Меррику, давнему приятелю. Путь это был неблизкий – Меррик жил аж на другом конце города, в высоком и красивом доме с примыкающей к южной стене кузницей.

Многие гадали, отчего мать до сих пор не вышла за Меррика замуж. Он был невысокий, лысоватый мужчина, с добрыми смеющимися глазами. Вдовец вот уже больше пятнадцати лет, и самый отменный кузнец на всю округу: за его сталью приезжали даже из дальних городов. Любая женщина была бы счастлива стать хозяйкой в его доме, а мать Ив была ещё молода и красива.

– Ты припозднилась, – заметила мать. – Все дела закончила?

– Угу.

– Занесла платье в Сиреневый дом?

– Хм... да, конечно, – соврала Ив.

Мать тот же час обернулась.

– Ты ведь отнесла его *сама*, правда, Ив?

– Сама, конечно. Не кошка же это сделала!

– Хоть бы и вправду не кошка, – нахмурилась мать.

Ив пожалала плечами. Она не умела врать – или точнее, она не умела врать матери. Каким-то образом, та всегда догадывалась.

– Тебе нужно быть осторожнее со своим талантом. Не нужно думать, будто ведьм в этом мире жгли просто так.

– В этом мире? – улыбнулась Ив, набирая ковшиком воды в медный чайник и ставя его на печь. – Ты говоришь, будто их много, миров.

Мать махнула рукой.

– Просто такое выражение. Будь осторожна, Ив, вот, что я хочу сказать. Магия не доводит до добра.

Магия не доводит до добра. Мать вечно так говорила, хотя сама же чертила на пороге «Узелка» странные символы, а каждую весну с мешком соли обходила дом, высыпая пригоршни на ещё не отогревшуюся землю и нараспев читая заклинания.

Чайник закипел. Ив заварила в глиняной кружке жасмин и мяту (прекрасный букет!). Запах трав и готовящейся еды, растопленный очаг и домашний уют не оставили и следа от грусти, навеянной холодной ночью. Ей не хотелось спорить. Не сегодня.

– По пути сюда, – сказала она, стараясь переменить тему, – я видела что-то странное. Как будто бы полоска света в небе, а когда я моргнула, она взяла да исчезла. А все другие, похоже, видят её без проблем.

– Что ещё за полоска? – спросила мать странным голосом.

– Не знаю, – Ив залезла на широкий кухонный подоконник и шире распахнула шторы, – как будто бы трещина. Погляди внимательно! Я тоже не сразу разглядела её.

Мать уже была рядом с ней, и, забыв про суп, вглядывалась в небо. Её лицо сделалось вдруг очень бледным, и между бровями залегла глубокая морщинка. Ив следила за её глазами, и не упустила тот момент, когда мать тоже увидела – как и Ив чуть прежде – трещину в небе. Женщина ахнула и прижала ладонь к губам:

– Нашёл-таки, – пробормотала она, – нашёл нас.

– Мама, – осторожно сказала Ив, ничего не понимая. Она потянула материнский рукав, как делала в детстве. – Мам, что это?

Мать не ответила. Её глаза оставались прикованными к небу, которое для Ив было таким же пустым.

– Ступай, – хрипло выговорила мать, спустя долгую минуту, – собери вещи. Самое нужное, поняла? Живо!

– Зачем?

И снова вопрос остался без ответа. Мать задернула штору и плеснула в очаг воды, потушив пламя. Испуганная, дочь последовала за ней в комнату. Она наблюдала, как мать собирает вещи, как попало запикивает их в холщевую сумку, и выгребает из тайника под половицей деньги, отложенные на чёрный день.

– Куда нам идти? – Ив схватила мать за плечи и заставила повернуться, заглядывая в лицо. Они были уже почти одного роста – ещё немного и Ив её догонит.

– Мама, что ты такое говоришь?! Куда мы поедem?

– Подальше, – ответила мать, – как можно дальше отсюда.

Глава 3

Ночной поезд

ТЕПЕРЬ

Двигаясь, будто в полусне, Ив закинула в тряпичную сумку смену одежды – первое, что попало под руку, потому что мать была уже готова, и нетерпеливо топталась в дверях комнаты, подгоняя дочь всем своим видом. Ив забежала к подруге, чтобы оставить ей Клубочка. Кот, почуяв неладное, отчаянно сопротивлялся и цеплялся когтями за хозяйкины руки, оставив на коже росчерки царапин. После этого Ив поспешила вслед за матерью к зданию брикешского вокзала. В предпраздничную ночь зал ожидания был практически пуст. С потолка свисали грозди дешёвых гирлянд, по полу были разбросаны бумажные лепестки. Ссутулившись на скамейке, Ив угрюмо разглядывала немногочисленных путешественников: молодая девушка, двумя-тремя годами старше неё самой, спала, подложив под голову узелок с вещами; трое подростков, шептались в углу; а мужчина в аккуратном сюртуке и круглых очках читал вчерашнюю газету. Она гадала, что за срочность могла заставить этих людей ехать куда-то в канун праздника, когда все прочие люди сидели дома, в кругу семьи.

Со вздохом она взглянула сквозь заледеневшее вокзальное стекло на мать, беспокойно мерившую платформу шагами. Пятнадцатью минутами ранее, Ив спросила, какой именно поезд они ждут.

– Тот, что придёт первым, – был ответ.

Ив поёжилась и плотнее запахнула пальто. Ночной мороз разыгрался не на шутку, и в зале было лишь чуть теплее, чем снаружи. Мать никак не хотела подождать поезд внутри. Пару раз она присаживалась на скамейку рядом с Ив, но тут же, не выдержав, беспокойно вскакивала и снова выбегала на платформу, и стояла, глядя на выплывавшие из темноты рельсы.

От кого они бежали? И какое отношение к бегству имела та полоска света в небе? Сколько Ив ни повторяла про себя эти вопросы, на ум не приходило ни единого ответа... ну, или ни единого ответа, который имел бы хоть какой-то смысл.

Раздался сигнал, возвещающий о приближении поезда. Им придется встретить день Богини, сидя в вагоне. А может быть, день Богини уже наступил без её ведома, где-то в этой пугающей суете – посреди сборов и бегства? Ив подумала о своих карманных часах на длинной тонкой цепи, украшенных белой и голубой эмалью. Впопыхах она оставила их дома – совсем про них позабыла. Сколько же было времени? Наступила ли полночь?

Она обернулась в поисках часов, но те, что висели поверх окошка кассы, похоже, давно остановились: их стрелки замерли на пятнадцатой минуте шестого часа.

– Прошу прощения, – обратилась тогда Ив к человеку с газетой, – вы не подскажете, который час?

Мужчина не ответил. Ив собиралась повторить вопрос, полагая, что он не расслышал, но тут лампы на потолке разом погасли. Весь зал погрузился во мрак, рассеиваемый разве что скудным светом мутной луны. Тишина легла зловещим туманом. Человек с газетой не пошевелился – никто из людей, находившихся вместе с ней в зале ожидания, не двинулся. Они замерли во времени, как насекомые в смоле.

Ив вскочила, уронила сумку на пол. Краем глаза она видела, как мать бросилась к широким дверям, соединявшим зал ожидания с платформой, как схватилась за ручки и принялась дергать, пытаясь открыть. Тщетно. Двери не поддавались.

Между тем вокзальные тени начали оживать и собираться вокруг Ив. Они поднимались, искажались, закручивались, и наступали со всех сторон, стягивая кольцо. То тут, то там она видела очертания вытянутых хищных пастей и огромных когтистых лап, появляю-

щихся и снова исчезающих в клубящемся чёрном тумане. Свора, обманутая деревянной куклой на пороге «Узелка», в конце концов, добралась до Ив. И на сей раз, псы были не одни. Между рядами скамеек стоял... кто-то. Мужчина. Размытый тенями силуэт.

Бессмыслица. Весь этот вечер – просто бред. Или сон. Ив часто снились кошмары, после которых она просыпалась с криками посреди ночи. Наверняка, это один из них. Вот-вот она проснется. Вот сейчас! *Вот сейчас!* Она уснула за работой в своём кресле в «Узелке», и теперь, конечно же, она проснётся...

Она не просыпалась. Мужчина сделал шаг, и свора расступилась, пропуская его в круг. Ив попятилась, но наступила каблуком на обронённую сумку, и, потеряв равновесие, грохнулась на пол. Тени взметнулись. Ив бы закричала, да голос куда-то пропал. Она могла только смотреть во все глаза на незнакомца, приближающегося к ней.

Он наклонился и протянул ей руку. В свете луны, выглянувшей ненадолго из облачного убежища, она разглядела его лицо. Обрамленное тёмно-красными волосами, оно было красивым и молодым, но так же чужим и далёким. И глядя в это лицо, девушка осознала, что ей не хватит сил сопротивляться. Она покорно подалась вперед, чтобы вложить дрожащую руку в его ладонь.

Не успела. Оконное стекло взорвалось. Морозный ночной воздух хлынул внутрь. Призрачная свора вскинулась, оскалилась.

– Отойди от неё, – закричала мать, перебираясь через усыпанный осколками подоконник. – Отойди, не то клянусь Богиней...

Её глаза распахнулись шире, когда она увидела мужчину, склонившегося над девушкой. Тот замер на миг, тоже глядя на неё, затем поспешно выпрямился и, подняв руки, отступил.

– Кая, – заговорил он, – подожди, позволь мне...

Но мать не позволила. Захлопали крылья, и в разбитое окно полетели птицы. Чёрные вороны. Бесчисленное множество чёрных ворон. Волной они устремились к незнакомцу, оттесняя его, закрывая и без того скудный свет. Ив и представить себе не могла, что во тьме можно захлебнуться, но именно это с ней и случилось: чернота, заполонившая всю просторную залу, лилась обжигающим ледяным потоком в рот, в нос, в уши, и застилала глаза. Ив закричала и даже крика своего не услышала.

Руки матери нашли и сжали её плечи. Рывком поставив дочь на ноги, мать потянула её за собой. Лишь смутно Ив осознавала, что выбралась через окно на улицу – что-то больно впилось в её ладони, когда она пролазила в окно. Следом за матерью она уцепилась за сонный полуночный поезд, и смогла вновь вздохнуть, лишь после того, как его двери с грохотом захлопнулись.

– Что... – прошептала Ив, ощущая под коленями истоптанный ворс ковра. – Что это было?

В вагоне, вдоль одной стены горели круглые светильники, вдоль другой шли вереницей закрытые двери. Ив попыталась ухватиться руками за что-нибудь и встать, хоть и не была уверена, что ноги её удержат.

– Что тут случилось? – воскликнул женский голос. В дальнем конце коридора хлопнула дверь, и кто-то прогрохотал тяжелыми ботинками, направляясь к ним. Пожилая кондукторша в коричневой форме, с рулоном билетов и протертым кошельком на поясе. Её глаза метнулись тревожно от матери к дочери, и обратно, изучая испуганные лица.

– Простите, – заговорила мать, поддерживая Ив, – моя дочь просто упала. Кажется, она поранила руку. Где здесь туалет? Ей нужно привести себя в порядок.

Ив приникла к заледеневшему окну лбом, пытаясь разглядеть перрон. В здании вокзала снова горели лампы. Страшные тени и незнакомец исчезли без следа.

Кондукторша указала пальцем на дверь в другом конце вагона.

– Туалет там, – сказала она. – Возьмите билеты. Отправляемся через минуту.

– Ступай, милая, – сказала мать не своим, слишком высоким голосом, – а я пока куплю нам билеты.

Ив растерянно кивнула. Она ещё не успела доплестись до туалета, когда поезд дрогнул и тронулся.

Сколько раз Ив видела поезда, проносящиеся мимо города, сколько раз воображала, что вырастет, и сядет на один такой поезд, и уедет далеко-далеко от их маленького городка. Не навсегда, просто попутешествовать, посмотреть, что же там есть, за бесконечным лесом. Она воображала, как вернется домой с чемоданом полным сувениров и головой полной впечатлений, и как мать встретит её на пороге их домика.

Поезд набирал скорость, минуя дома, облетевшие сады и каменные мосты, изогнувшиеся над рекой. В иное время, Ив, возможно, с любопытством наблюдала бы за ними. Не теперь.

Она толкнула дверь, на которую указала кондукторша. За нею обнаружилась тесная квадратная комната, отчаянно раскачивающаяся в такт движению поезда. Сквозь щели в крыше врывались студёные струи воздуха. В старом, грязном зеркале Ив показалась самой себе хрупкой, как будто сделанной из фарфора. Она порезалась, пока выбиралась через разбитое стекло на платформу, и теперь руки были в крови. На платье тоже осталась пара темных пятен – удастся ли их вывести?

Ив повернула вентиль. Из крана полилась вода. Девушка подставила под неё руки, вздрогнув от ледяного прикосновения. Она промыла ранки, но они вновь покрылись кровавыми бисеринками, и, не зная, что ей делать, Ив просто снова сунула руки под воду, и держала их так, пока холодная вода не заморозила боль.

Мать присоединилась к ней спустя пару минут. В руке у неё были две синие бумажки с оттиском паровоза. Спрятав билеты в карман, она выключила воду.

– Покажи мне руки, – приказала она, и начертила пальцем на каждой ладони Ив по сложному быстрому символу. Кровь тотчас остановилась, ранки затянулись, оставив после себя чуть заметный розоватый след. Ив смотрела, раскрыв рот.

– Ты не говорила, что умеешь такое. Выходит, у тебя такой же дар, как у меня.

Мать невесело рассмеялась.

– Ну, нет, куда мне! Тому, что я умею, мне пришлось учиться многие годы. Твой дар, Ив, уникален. Второго такого я никогда не видела.

Мысли Ив разбегались: пока она хваталась за одну, прочие бросались врассыпную.

– Кто этот человек? – спросила она. – Чего ему от меня надо?

– Он говорил с тобой? – спросила мать.

– Нет.

Мать сжала её плечо.

– Что бы ни случилось, – произнесла она вкрадчиво, будто впечатывая каждое слово в голову дочери, – если ты увидишь его вновь, беги прочь, поняла?

Что-то подсказывало Ив, что выполнить материнский наказ будет не так-то просто.

– Что происходит, мама?

Мать погладила её по щеке.

– Я бы хотела всё тебе объяснить, птенчик.

– Так объясни! Кто он?

– Это не важно.

– Не важно? – Ив почувствовала, как оцепенение уступает место нервной дрожи, словно её тело больше не могло сдерживать накопившихся в нём эмоций. – Мы бежим куда-то посреди ночи! Вокруг творится чёрт знает что! Если это не важно, то что?

– Ив, ты вся дрожишь. Пойдём, займем места, и купим тебе горячего чаю. Тебе нужно успокоиться...

– Мне не нужен чай, мама! – взвизгнула Ив. – И я шагу не сделаю, пока ты мне не ответишь.

На мгновение мать поколебалась. Что-то мелькнуло в её глазах – что-то подозрительно похожее на нерешительность (а её мать была какой угодно, но только не нерешительной). Но мгновение миновало. Мать встретила её взгляд, и Ив поняла, что не получит того, чего требует.

– Если хочешь, оставайся здесь, – сказала мать, – однако имей в виду, что ехать нам придется очень-очень долго. Если передумаешь, я жду тебя в переднем вагоне.

С этими словами, она вышла, прикрыв за собой дверь, и оставив дочь одну.

Глава 4

Княжна сто двенадцатого осколка

ПРЕЖДЕ

Впервые Кая увидела Ивлин, когда та была ещё младенцем – золотистым комочком, посапывавшим среди шёлковых простынок. Самой Кае тогда было пять, и она встала на цыпочки, чтобы заглянуть в колыбельку.

– Теперь это – твоя госпожа, – объяснила бабка, кладя сухие жесткие ладони на внучкины плечи. – Посмотри только. Ну и кроха.

Княжна и впрямь была крошечной – кулачки не больше грецкого ореха. Кая протянула указательный палец и коснулась розовой щёчки. Зачем она это сделала? Должно быть, хотелось удостовериться, что ребёнок не растает, уж больно эфемерной она казалась. Ивлин не растаяла. Её глаза мгновенно распахнулись, и она завизжала так, что Кая едва не оглохла. И, в ту самую минуту, она поняла, что будет любить это маленькое своенравное создание бесконечно долго и очень-очень сильно.

Ивлин была единственной дочерью князя, правителя сто двенадцатого осколка. В былое время этот оазис, затерянный среди песков Забытого мира, носил название Зелёные пастбища. Затем Арид решил, что слишком мудрёное это дело – каждому захудалому осколку иметь своё название, и присвоил им вместо этого порядковые номера, в зависимости от размера и значимости. И проще, и понятнее.

Всего осколков было сто тридцать три. Конечно, быть сто двенадцатым из ста тридцати трёх – это не так уж и плохо. Не так плохо, как быть, скажем, сто тридцатым. Или, упаси Богиня, сто тридцать третьим. И тем не менее...

– Было гораздо лучше, – говорила княгиня Лилайя, мать Ивлин, всякий раз, когда на глаза ей попадалась какая-нибудь официальная бумага с уродливым номером, – когда мы назывались Зелёными пастбищами. Цифры так... безвкусны.

Дворец, в котором родилась Ивлин, стоял на холме, горделиво взирая с высоты на теснившиеся у подножия фермы, ровненькие вспаханные поля, яблоневые сады, и пастбища, усеянные пышными барашками. Из окна своей горницы на вершине круглой башни, княжна часто наблюдала за подданными, с расстояния казавшимися муравьями. Крошечные дети играли с крошечными обручами и мучили крошечных кошек. Игрушечные мужчины и женщины вспахивали поля, собирали урожай, стирали бельё и доили коз. С наступлением сумерек на улицах зажигались хороводы бумажных фонариков, и в таверне начинались танцы. Ивлин не могла расслышать музыку, но открывала окна и просила ветер помочь ей. Тот был рад стараться и нёс ей на невидимых крыльях свист дудок, грохот барабанов, визжание скрипок и топот ног, скачущих по дощатому полу. Ивлин воображала себя чародейкой, глядящей в волшебное зеркало.

На ум Каи приходило иное сравнение, каждый раз, когда она поднималась в башню со стаканом молока или стянутым с кухни лакомством. Маленькая госпожа напоминала ей певчую пичугу, запертую в клетке. Круглая комната, отделанная золотом, лишь усиливала это впечатление. Распахнуть бы окна и позволить бедняжке вылететь наружу. Показать Ивлин всё то, что Кая сама так любила: как здорово плавать прохладным утром в пруду; или водить хороводы в полнолуние; или играть с крестьянской ребятней в их бешеные игры.

Но Ивлин была княжной, а не крестьянкой. Само собой её жизнь отличалась. В замке не было детей её возраста, а гости редко приезжали в осколок. Ивлин оставалось только самой искать себе развлечения. Уж что-что, а это она умела.

Кая переехала во дворец в десять лет. Ивлин в ту пору как раз исполнилось пять. Никто не понимал, отчего для юной княжны выбрали такую неуместную спутницу – угрюмую крестьянскую девчонку с бронзовой от загара кожей и пронзительными чёрными глазами. Рядом с золотоволосой, беззаботной княжной Кая выглядела, по меньшей мере, странно. Однако княгиня отчего-то упорно настаивала, что Кая подходит, как нельзя лучше, и никто не оспаривал её решения.

Маленькая Ивлин учила служанку своим диковинным играм среди геометрических дворцовых садов. Неугомонное воображение княжны превращало девочек то в воительниц, отправляющихся биться с огнедышащей виверной, то в русалок с ракушками в зелёных волосах. Они были первооткрывательницами и охотницами за кладами, пиратками и чародейками, феями и гоблинами. Кая не поспевала за госпожой, и порой чувствовала себя рядом с ней неловкой и неуклюжей. Но, несмотря на это, любила её, как любила бы родную сестрёнку.

Она любила её даже когда поняла, что воображение Ивлин было вовсе не простым, а очень даже волшебным.

Бабка Каи была деревенской ведуньей. Она избавляла крестьянок от кашля и головной боли, делала обереги и нехитрые ловушки для проказливых бесят, портивших молоко и ворующих яйца у кур. Иногда (нехотя, и лишь за золото) она могла сварить приворотное (или отворотное) зелье. Однако каждому волшебству она училась долгие годы, и даже в преклонном возрасте непрестанно оттачивала своё мастерство, записывая успехи и неудачи в толстую старую книгу, называемую гримуаром. Маленькая Ивлин же ничему не училась, и даже не осознавала, что творимые ею вещи являются чем-то необычным.

– Это виверна, – говорила она, кладя ладошку на ствол засохшего дерева, и на глазах испуганной Каи корявые ветви начинали извиваться точно длинные шеи, а корни зловеще вылезали из-под земли. Кая не бросалась наутёк лишь потому, что от страха её ноги прирастали к месту.

– Не бойся, – говорила тогда маленькая княжна, задрав вверх подбородок, крайне довольная эффектом. – Я ведь могучая воительница Забытого мира! Я не дам тебя в обиду!

Впрочем, очень скоро Кая поняла, что древесные виверны не могли причинить вреда даже кролику. Неумелое волшебство Ивлин гасло в считанные минуты, как небрежно разведённый костёр. В осколке не было никого, кто мог бы распознать в хаотичных вспышках настоящий талант. Колдовство считалось глупостью – занятием крестьянок, и мало интересовавшийся дочерью князь-отец не слишком-то одобрял «легкомысленное развлечение». Он решил, по-видимому, что лишенный подпитки и практики талант пропадёт сам собой. Разумеется, этого не случилось. Не находя применения, дар Ивлин всё рос, необузданный и дикий, точно оставленный без внимания сад.

До того злополучного дня, когда его заметил кое-кто другой.

Глава 5

Аридов Чертог

ПРЕЖДЕ

Это случилось на первом в жизни Ивлин балу – одном из тех, что устраивал каждый год Арид для своих подданных из Забытого мира. Князя и княгини всех осколков представляли перед владыкой, сияя лучшими драгоценностями и нарядами. Они из кожи вон лезли, показывая всё, на что были способны, и только ради того, чтобы добиться одобрения – взгляда, кивка, улыбки. «Всего-то?» – скажете вы, но в странном пустом мире, где жила Кая, любые крохи внимания были бесценны.

В незапамятные времена Забытый мир был цветущим и прекрасным, но проклятие Богини выжгло его, превратив в сухую песчаную пустыню, где не могло выжить ни растение, ни животное. Люди, населявшие Забытый мир, теснились в зелёных оазисах – «осколках» – оберегаемых магией Арида. Если поток магии по какой-то причине иссякал, все озера и реки в осколке высыхали, трава жухла и опадала листва. Не проходило и недели, и на его месте не оставалось ничего, кроме занесённого песком кургана. А потому подданные превыше всего боялись прогневить могущественного господина, и стремились, при любом удобном случае, хоть как-то ему угодить.

Сам Арид и его демоны обитали в цитадели, называемой Чертогом, в пещерах никогда не видевших солнечного света. То было место невероятной красоты, вместилище тайн и магии, манившее людей и пугавшее их в равной степени.

Едва ли удивительно, в таком случае, что в день бала в Чертоге, Ивлин с самого утра была сама не своя. Когда Кая пришла, чтобы разбудить её, оказалось, что княжна уже проснулась, и сидела в одной ночной рубашке у распахнутого окна. Деревянная рама покрылась инеем, и ледяные перья украсили стекла.

– Ах, милая моя, – всплеснула руками Кая, – будет тебе шалить! Ты же вся продрогла!

– Отстань, Кая, – отмахнулась Ивлин, которую раздражало, когда над нею тряслись, как над ребёнком. – Это – мой собственный лед. От него я не простыну.

– Богиня милосердная, да у тебя руки, как ледышки!

– Как ледышки? Вот уж нет. Они же горят, погляди.

Ивлин взмахнула руками, и на её ладонях вспыхнули огоньки оранжевого пламени. Кая уже давно перестала бояться фокусов госпожи. За годы она успела привыкнуть к ним.

– Ну что за ребячество, – укорила она. – Идём, я приготовлю тебе ванну. И где это ты выучилась наколдовывать иней?

Ни Ивлин, ни Кая никогда не видели настоящего снега, а лишь слышали о нём из путаных рассказов, приходившим из далекого Верхнего мира. Да ещё придворный фокусник однажды наколдовал в тронном зале вьюгу, но его снег был сухим и жестким, как бумага, и не таким уж холодным. Иней Ивлин, насколько могла судить Кая, был вполне убедительным.

– Я видела его во сне, – объяснила княжна. – Мне снился замок, сделанный изо льда. И ещё... владыка Арид. Он был куда блистательнее, чем рассказывают. Ах, скорее бы я смогла его увидеть!

Служанка покачала головой. Блистательнее! И слово-то нашла! Ивлин всегда была романтической – слишком уж романтической. Она наизусть знала все сказки и баллады, которые привозили в замок бродячие менестрели, и верила глупым хвалебным песням о прекрасном и могучем Ариде, правителе-воине, вот уже три сотни лет сидевшем на троне. И теперь, когда ей предстояло наконец-то увидеть его собственными глазами, княжна была вне себя от восторга.

– Мне не нравится белое платье, – взмолилась Ивлин в десятитысячный раз за завтраком с отцом и матерью. – Я в нём как призрак. Mam, ну позволь мне надеть голубое. Или розовое. Или вообще любое другое, только не этот мешок.

Белое платье и впрямь не слишком-то шло ей, однако это был традиционный цвет для девушек впервые едущих на бал, а княгиня отличалась редкой консервативностью, и переубедить её даже дочери было не под силу.

После завтрака Кая нашла Ивлин сидящей в кресле перед высоким зеркалом. Одна рука её лежала на подлокотнике, пальцем другой руки княжна задумчиво закручивала золотую прядку волос. Она мрачно разглядывала своё отражение. Служанка знала этот взгляд – слишком хорошо.

– Не нужно так переживать, – попробовала увещевать Кая. – Там будет много княжен. Он тебя и не заметит. И белый цвет тоже весьма симпатичен.

Ивлин не ответила, но оторвавшись на секунду от созерцания своего отражения, бросила на служанку снисходительный взгляд, который яснее всяких слов говорил: «Ничего-то ты не понимаешь».

Кая и впрямь не понимала. Куда уж ей. Она подозревала, что ничего хорошего от внимания Арида, которого все так яростно добивались, выйти не могло. Только вот чем подкрепить подобное заявление Кая не знала. Как и все крестьяне, она боялась демонов, и будь её воля, ноги Ивлин не было бы в Чертоге.

Солнце уже начало подбираться к зениту, когда семья Ивлин покинула дворец, расположившись в шести круглых каретах.

Все осколки соединялись сетью широких дорог, *артерий*, выложенных из гладкого нефрита. Ни одна песчинка не падала на камни, и даже самый жгучий полуденный зной не тревожил путешественников. Однако стоило кому-то – неловкому слуге или рассеянному торговцу – зазеваться и сойти с дороги хоть на полшага, пустыня набрасывалась на него свирепым зверем, раздирая огненными когтями. Как будто гневаясь на жалких букашек, прячущихся за мерзкой водяной магией.

Князь-отец ехал верхом, во главе. Следом за его серебристо-буланым скакуном катила карета княгини, которую она делила со своей толстой фрейлиной, дочерью и Каей. Оставшиеся кареты были нагружены «скромными дарами» Ариду: тканями из овечьей шерсти и сладким вином, впитавшим солнечные лучи.

Путь до Чертога занял весь день. Время от времени Кая отгибала занавеску и смотрела из окна на волнуемые ветром серо-жёлтые пески.

В это время года пустыня была спокойна. Как раз закончился Сезон Бурь – опасная пора, когда движение по дорогам Забытого мира прекращалось из-за опасных ветров, поднимавших в небо столбы из песка и норовивших сбить с ног и оттащить несчастного путника в пустыню. Магия Арида не могла управлять ветром, а потому на Сезон Бурь все сообщения между осколками приостанавливались, и бал в Чертоге отмечал завершение этого крайне неприятного периода.

Спустились быстрые сумерки, а потом, уступив в коротком сражении, солнце укрылось за высокими дюнами, и в пустыне настала ночь. Засияли звезды, и Кая отвлекала себя тем, что отыскивала среди них знакомые созвездия. За грохотом колёс по каменной дороге ей иногда слышался протяжный вой. Был ли то просто ветер? Или это Арид выпустил на охоту сумрачных демонов?

Кая немного задремала, и проснулась оттого, что Ивлин вдруг больно сжала её руку.

– Какие же они огромные, – громким шёпотом произнесла она, прикрывая рот ладонью. – Ах, милая Каюшка, гляди! Я и представить себе не могла.

Выглянув из окошка, Кая увидела, что, куда она спала, пустыня осталась позади. Теперь они ехали среди скал. Гранитные пики вплотную подобрались к дороге, и, поднимаясь высоко вверх, закрывали небо. Пусть освещали фонари в выдолбленных в камне нишах. Впереди различались высокие обсидиановые ворота, а по их сторонам выстроились почётным караулом, по дюжине с каждой стороны, высокие статуи – властелины прошлого, увековеченные в камне.

У Каи дыхание перехватило от такого величия, и она разглядывала суровые лица со смесью благоговения и суеверного страха. В жилах Аридов текла кровь великого Дракона. Она наделяла их особенной магией, с помощью которой они испокон веков противостояли всепожирающей пустыне.

– Они прекрасны, – сказала Ивлин матери. – Правда же, они прекрасны? А он? Он похож на них?

– О, да, – ответила княгиня, – очень похож.

Но когда ворота захлопнулись и отрезали их небольшой караван от внешнего мира, Ивлин приутихла. Ей, дочери солнечных лучей, было странно оказаться в тёмном Чертоге. Она снова жала руку служанки, на этот раз не так сильно.

Гостей окружила просторная пещера. Свет факелов сменился нежным сиянием голубых огоньков, порхающих в воздухе, легко, как бабочки. Потолок уходил высоко вверх, и терялся во мраке, а под ногами, неожиданно, зеленела густая трава. Ивлин опустила на корточки и провела по ней рукой.

– Ивлин, – одёрнула её мать. – Встань с колен. Как не стыдно?

Княжна покорно выпрямилась, поправляя платье.

– Трава как настоящая, – шепнула она Кае. – Просто чудеса.

Прибывших гостей встречали безликие (в самом прямом смысле, у них не было лиц) слуги, и показывали путь, светя факелами.

По мягкому склону, они спустились к медленной реке, на которой дожидалась просторная лодка. Слуги помогли гостям рассестись, и сами заняли места вдоль бортов. Гребцы оттолкнулись вёслами от берега, и они поплыли.

Кая никогда не видела столько воды. То отсюда, то оттуда, ручейки сбегали по круглым камням, питая реку. Водопады обрушивались в неё, с рокотом, усиленным стократ пустотой. Кая сунула руку за борт, в прохладную воду, и почувствовала идущую от неё спокойную первобытную силу. Вот она, магия! Неудивительно, что существо, способное покорить её, должно обладать такой безграничной властью...

Огоньки, освещавшие им путь, отражались в речной глубине. Кабы бы не фонари других лодок, покачивавшихся впереди, легко можно было бы позабыть, что они были не одни в пещере – а то и во всей вселенной.

Кая припоминала, что вертеть головой в гостях неприлично, но ничего не могла с собой поделать. Хозяин Чертога нарочно дразнил своих гостей – смотрите, смотрите, такого вы никогда нигде больше не увидите. Ивлин напротив даже не пыталась соблюсти приличия и смотрела во все глаза, то тихонько вскрикивая, то поражённо вздыхая, и вся так и сияла от восторга.

Лодка миновала вереницу грандиозных пещер. Кая силилась запомнить как можно больше, но человеческая память просто не могла охватить величие, представшее перед ними. Залы – сколько их было? Десять? Двадцать? – были огромны. С потолков спускались сталактиты всех цветов радуги, а сталагмиты устремлялись им навстречу, как поднятые над головами воителей пики. На стенах сидели причудливые создания, шкуры которых таинственно светились и переливались. Ивлин протянула руку к одному из зверьков, но тот отпрыгнул, и оскалил хищную зубастую пасть.

Слуга, сидевший на корме, тут же натянул лук, но Ивлин в испуге ухватила его за рукав.

– Нет, нет, прошу, оставь его!

Лук послушно опустился.

Лодка причалила к берегу у лестницы из гигантских ракушек уходящей вниз. Дикие необжитые пещеры остались позади, и плавно, безупречно, природная красота уступила место красоте рукотворной. Гости спустились по ступеням в грандиозную залу, с полом в виде шахматной доски. В неровном подрагивающем свете, Кая сперва приняла фигуры, расставленные на чёрных и белых клетках, за статуи, и лишь подойдя ближе, поняла, что это были белоснежные морские девы, обездвиженные мощным волшебством.

– Это бесчеловечно, – сказала Кая, не сумев сдержаться.

Ивлин погладила её руку, машинально, как ластившегося котенка.

– Это ведь Чертог, – ответила она, будто это могло служить оправданием.

Впрочем, разве не за этим устраивался сам бал? Не просто развлечь, но и припугнуть – напомнить как о щедрости Арида, так и о его жестокости.

Экскурсия завершилась у ещё одной широкой лестницы, спускавшейся прямиком в необъятный бальный зал. Сверкающие стены, окрашенные в цвета моря, поднимались вверх, сужаясь и теряясь из виду прежде, чем достигали потолка. Кая разглядела площадку для танцев и небольшое возвышение с тронem, ожидавшее появления самого Арида.

Гости уже почти собрались – семья Ив приехала в числе последних. Они замешкались немного на лестнице, и Кая заметила их неловкость, хотя лишь спустя некоторое время поняла её причину.

Нет, «её» семья не была здесь самой убогой. Были те, прибывшие из жарких захолустных осколков, довольствовавшихся крохами водяной магии. И всё-таки от Каи не укрылось то, как нарочито гордо держали головы родители Ивлин, стараясь не замечать презрительных взглядов других правителей, полагающих их осколок всего-навсего отсталой провинцией.

Кая сунулась было следом за юной госпожой, но две настойчивые безликие служанки преградили ей дорогу и подтолкнули к узкой крутой лесенке, спиралью поднимающейся вверх, в отсек для слуг. Кая неохотно покинула Ивлин – а та даже не заметила её отсутствия. Прижимая дрожащие руки к груди, она двигалась, будто в трансе, увлекаемая людским потоком.

Кая поднялась по ступеням, поддерживая одной рукой подол длинного платья, которое сшили для неё по случаю бала. Кая надеялась лишь, что она не запнется и не растянется на полу. И без того, кажется, все на неё глазели. Забавно. Только недавно платье казалось Кае слишком нескромным. Ну, что за декольте! А ткань колыхается, как будто сплетена из крыльев бабочек! Малейший ветерок заставит её упорхнуть, и что тогда делать Кае? Едва ли кто-то в Чертоге предложит ей халатик...

Оказавшись в Чертоге, Кая поняла, что понятие скромности туалета на этом балу значительно отличается от общепринятого. Гости одевались, кто во что горазд, преследуя единственную цель: хоть как-то развлечь скучающего правителя. Вся мода Забытого мира приходила из Чертога, и в подражание демонам дамы выбеливали лица, а волосы красили в тёмно-красный, копируя королеву Сарину, ныне покойную жену Арида. Из украшений особенной популярностью пользовались броши и ожерелья с фигурками морских обитателей – рыб, крабов и осьминогов, сделанных из серебра и золота, с драгоценными камнями вместо глаз. Мужчины ничуть не отставали от спутниц – золотые маски в виде львиных и волчьих голов, мечи в ножнах, усыпанных изумрудами и сапфирами, и шлемы, украшенные ветвистыми оленьими рогами – тут было на что посмотреть!

Вьющаяся лестница привела Каю на просторную антресоль, опоясывающую всю бальную залу. У края стояли ряды скамеек, а у стен – столики со скудными (каждая порция не крупнее таракана) закусками.

Кто-то сунул Кае в руку длинный узкий бокал без ножки, напоминавший формой сосульку. Внутри плескалась бледно-голубая жидкость, напомнившая девушке зелье из бабушкиного котла. Не привыкшая пить то, чего она не могла опознать с первого взгляда, Кая огляну-

лась в поисках вазы, в которую могла бы вылить напиток, но таковой не нашлось. Она не могла даже оставить его на каком-нибудь столе – у дурацкого бокала не было подставки. Оставалось держать в руке.

На антресоли было полно народу. Слуги, фрейлины и лакеи, в туалетах, способных дать фору нарядам иных господ, сбились в небольшие кучки, у каждого по бокалу-сосульке. Большинство прибыло сюда уже не в первый раз: они хорошо знали друг друга и успели установить негласную иерархию. Единственная знакомая, толстая фрейлина княгини, куда-то запропастилась. Антресоль была так огромна, что Кая и не надеялась её разыскать.

Чувствуя себя глупо, она отхлебнула голубого напитка. Он оказался отвратительно кислым, и, не удержавшись, она выплюнула его назад в бокал. Что не укрылась от внимания двух фрейлин в полупрозрачных жёлтых платьях, едва-едва прикрывавших наготу. Одна из них фыркнула, и зашептала что-то на ухо собеседнице, а та согласно кивнула, скривив губы. Кто бы мог подумать, что соревнование идёт не только там, внизу, перед взором властелина, но и здесь, в отсеке для слуг?

Играла музыка. Кая поискала глазами оркестр, и обнаружила его на одном из нижних балконов. Она ожидала увидеть разодетых людей в напудренных париках, как те, что играли во дворце князя. Но оркестр Арида состоял вовсе не из людей. Играли механические куклы. Однажды Кая видела похожую штуку на ярмарке: она была сделана по подобию человека, обтянутая тонкой мягкой кожей, с проволочным париком на голове. Веки куклы поднимались и опускались, голова поворачивалась из стороны в сторону, а руки то и дело нелепо вскидывались вверх, как у жреца, возносившего хвалу Богине. Куклы Арида не пытались притвориться людьми. Напротив, их тела, сделанные из прозрачного стекла, демонстрировали непрестанно движущиеся шестерёнки, шарниры и звенья. Весь этот сияющий механизм работал плавно и мягко, без тени неловкости. Мелодия лилась из инструментов, отдаленно напоминавших скрипки, флейты, арфы и виолончели, однако носивших разительные отличия от любого знакомого инструмента.

Давно собрались последние гости, и, наконец, протрубил рог, возвещавший прибытие самого Арида. Звучный голос глашатая начал одного за другим представлять собравшихся господ повелителю. Слуги хлынули к скамейкам у края антресоли, чтобы оттуда наблюдать за церемонией.

Все передние скамейки были заняты в мгновение ока, и замешкавшейся Кае пришлось поторопиться и даже поработать локтями, чтобы вовсе не остаться без места. Примостившись с краю, она не могла разглядеть ни золотой трон, ни сидящего на нём повелителя. Зато гостей ей было видно, более или менее, неплохо. Первыми выходили правители крупных осколков. Князь в мантии из шкур белых медведей – по огромной скалящейся голове на каждом плече. Княгиня в платье из листьев и стрекоз – зрелище на редкость отвратительное, если спросить мнения Каи (никто, разумеется, не спрашивал).

Кая разглядывала гостей, и ждала, когда же очередь дойдёт до её госпожи. Ждать пришлось долго. Родители Ивлин были в списке едва ли не в самом конце. Их осколок не был богат, не отличался блестящими умами и талантами, не владел обширными землями. Поговаривали даже, что Арид намеревался объединить осколки поменьше в один – право же кому нужны эти крошечные клочки земли, вечно не могущие чего-то между собой поделить?

После того, как были представлены правители первых пятидесяти осколков, народу на скамейках чуть поубавилось, и Кая сумела-таки пробраться чуток вперёд и увидеть самого Арида.

Он неподвижно сидел на своём троне, откинувшись назад, в позе, выражающей полное безразличие ко всему происходящему. Судя по шепоту слуг, он уже подарил ленивую полуулыбку правительнице одного из северных осколков (слухи о неопикуемой красоте той ходили по всему Забытому миру). Другой правитель удостоился одобрительного наклона головы (он

привёз в дар целую вереницу снежных слонов, пополнить шахматную коллекцию повелителя). Прочим гостям пока не везло.

Стоит заметить, что Арид не был тираном. Налоги, которыми он облагал осколки, были высоки, но не непомерно высоки, и доколе они исправно платились, правитель не вмешивался в дела подданных, предоставляя князьям свободу самим разбираться и управлять землями, как им угодно. Он защищал осколки от пустыни и диких созданий, что обитали в ней. Он следил за тем, чтобы дороги, соединяющие осколки были безопасными и ровными. Он устраивал экстравагантные балы, такие, как этот. Время от времени он обрушивал на головы людей страшные бедствия, против которых они были бессильны. Другими словами, для Забытого мира Арид был не столько государем, сколько своенравным и бесконечно могущественным божеством, которого надлежало бояться и почитать, ибо от одной только его блажи зависели жизни людей в пустыне.

Кая подалась вперёд и едва не свесилась с антресоли, чтобы получше разглядеть Арида. Ивлин сказала бы, что он был красив – той же воинственной, жестокой красотой, которая отличала лица его каменных предков, охранявших вход в царство. Кая подобрала бы иное слово: он был чуждым, сказала бы она, чуждым миру людей. Он выглядел человеком, и всё-таки с первого взгляда было понятно, что он демон. В его жилах горел драконий огонь, и порой сияние просачивалось наружу и вспыхивало в полутемноте, отблеском далёкой грозы. Никакие драгоценности не могли затмить его, и, зная об этом, Арид одевался нарочито просто – в тёмный бархат, и не носил ни короны, ни меча, ни прочих ненужных инсигний.

По его правую руку, в кресле, обитом бархатом, сидела дева в кроваво-красном платье. Её длинные волосы, заплетенные в две толстые косы, были роскошного оттенка красного мха. Точь-в-точь как у молодого человека по левую руку правителя. То были, вне всякого сомнения, дети и наследники Арида – принц Вуд и принцесса Ора.

– Злобные демоны, – произнёс низкий женский голос.

Обернувшись, Кая увидела служанку в тёмном платье без узора и с обязательным бокалом в руке. Волосы женщины были убраны в хитроумную причёску, державшуюся не иначе как по волшебству.

– Что? – переспросила Кая, не вполне уверенная, что незнакомка обращалась к ней.

– Те двое, – пояснила женщина и плюхнулась рядом на скамейку. – Ты разглядывала Вуда и Ору, а я сказала, что оба они – злобные демоны. Хотя мать их была человеком.

Кая снова поглядела вниз. Само собой, она с детства слышала рассказы о принце Вуде, который скакал во главе армии демонов по пескам. Разоритель осколков, гроза песчаников. Хотя на вид брат и сестра были едва ли старше самой Кая, им могло быть как двадцать, так и все сто пятьдесят, потому что время в Чертоге шло иначе.

– Они похожи на людей.

– Внешность обманчива, – вскинула брови женщина. – Впрочем, ты права. Человечья кровь делает их маловероятными претендентами на престол. Ты ведь знаешь, каким образом передаётся власть в Чертоге?

– По наследству или в бою.

– В бою, заметь, чаще всего. Кровь Дракона дарует Аридам долгие годы жизни, и у наследников просто не хватает терпения ждать, покуда те преставятся. Однако нашему нынешнему Ариду волноваться нечего. Едва ли в Чертоге остался хоть кто-то равный ему по силам, уж он об этом позаботился. У Вуда уж точно не хватит пороку свергнуть папашу – что до его сестры, у бедняжки в голове не все дома... Ты любишь сплетни, крошка?

– Кая. Моё имя Кая.

– И какое милое имя, должна заметить! А я – Сирена. Будем знакомы. Ну, так как, любишь или нет, Кая?

– Да, люблю, – быстро солгала девушка. Очень уж ей не хотелось обижать новую знакомую. Видит Богиня, никто другой, скорее всего, с ней этим вечером не заговорит.

– Вот и славно, – Сирена хлопнула в ладоши. – У меня есть одна, ну просто замечательная. Говорят, что Ора была влюблена в лучшего друга Вуда, но когда наш грозный принц узнал об этом, он спустил на беднягу свою свору, и эти ужасные псы разорвали того на кусочки. И прямо на глазах у сестры! После этого она и помешалась. Всё, что осталось от её любовника, Вуд повесил на стену в главном зале, как трофей. Как тебе такое?

Кае было трудно вообразить подобную жестокость. Если это была правда, то Вуд и впрямь должен был быть настоящим чудовищем.

– Это ужасно, – сказала она искренне.

– Ещё бы! Теперь Ора не разговаривает с братом. А раньше ведь были, ну, не разлей вода. Погляди, что за платье на ней. Не удивлюсь, если кровь настоящая.

Кая с удивлением обнаружила, что скамейка, на которой они сидели, вдруг изрядно опустела. Сирена пожалала плечами.

– Не принимай близко к сердцу, – сказала она весело. – Это всё я. Они полагают меня заразной.

– Заразной?

– Ну, не в прямом смысле. Видишь ли, Кая, осколок моей госпожи – самый маленький. Несчастный сто тридцать третий. Вон она, кстати, моя княгиня, плетётся.

Сирена указала Кае на маленькую сморщенную старушку, ковляющую по залу между гостями, вызывая то тут, то там раздражённые восклицания. Её волосы побелели от прожитых лет, и она переставляла ноги с упорной сосредоточенностью человека, занятого самым непростым делом.

– Наш осколок, – продолжала Сирена, – по правде, и осколком-то не назовёшь. Всё, что от него осталось – убогий особнячок, да дереvушка в две сотни душ. К тому же, мы живём ближе других к Верхнему миру, совсем-совсем близко. Рукой подать.

О том, что из себя представляет Верхний мир, Кая догадывалась смутно. Она знала, что вход в него находился где-то за Выжженным лесом (или в самом Выжженном лесу?) и что в том мире не было ни магии, ни демонов, и люди оттуда вообще не имели представления о пустыне, лежавшей от них всего в полушаге. Иногда в осколки попадали книжки или игрушки, сделанные тамошними мастерами.

– Неужели? – Кая никогда не встречала никого, кто жил бы близко к Верхнему миру. – И как это?

– Холодно.

– Правда?

Сирена рассмеялась.

– Нет! О, Богиня, я шучу! На самом деле там довольно жарко. *Очень* жарко. И песок! Ах, ты и понятия не имеешь, что это. Пустыня так и норовит проглотить нас. А Выжженный лес подступает так близко, что с нашей скалы даже можно разглядеть каменные деревья. Жуткое зрелище.

– Как же вы живёте?

– О, мы давно привыкли. Выращиваем кое-какие овощи. Разводим песчаных лисиц – Арид любит их мех. Мы ничуть не бедствуем, и ни у кого подачек не просим. И дань его величеству Ариду платим исправно. И при всём при том нас не жалуют. Вот увидишь, повелитель даже не поглядит в сторону госпожи. Отчего она вообще так рвётся сюда каждый год? Будто не видит, как все над нами потешаются.

Кая сомневалась, что княгиня могла позволить себе роскошь отказаться от приглашения самого Арида – насмешки насмешками.

– Я не видела тебя здесь раньше, – заметила Сирена.

- Моя госпожа будет представлена впервые.
- Дебютантка! И как она?
- Очень волнуется.
- Ничего удивительного. Покажи-ка, которая из них?

И будто бы в ответ, глашатай объявил родителей Ивлин.

Они вышли вперёд. Поклонились. Им нечем было похвастаться. Мать Ивлин была уже немолода, и не отличалась красотой даже в лучшие годы, а отец не мог позволить себе и одного снежного слона, чего уж говорить о стаде. Таким образом, в Чертоге они были немногим лучше Сирениной косолапой госпожи.

Глашатай объявил выход Ивлин.

Кая подалась вперёд, отыскивая её взглядом. Колени задрожали, будто бы это она сама была там, внизу, и шла по ковровой дорожке для поклона перед повелителем.

И тут что-то изменилось. Снизу донесся тихий возглас. Шёпот пробежал по собранию гостей, как ветерок, потревоживший поверхность озера.

Кая не заметила, как вскочила на ноги, напрочь забыв про собеседницу. Высокие причёски дам совершенно загородили от неё юную госпожу. Её первой мыслью было, что Ивлин, должно быть, оступилась, запутавшись в длинном подоле, или ненароком порвала юбку, наступив острым каблуком. Она не часто просила милости у Богини, но в ту секунду, обратилась к ней:

- Только бы всё обошлось!

Но вот она увидела Ивлин: княжна шла по проходу к трону. Нет, она не упала, и платье её было целым. Только...

Напрасно Кая полагала, что её маленькая бунтарка так просто смирится со своим простым белым платьем. Прямо на глазах его подол окрасился в изумрудно-зелёный цвет, который затем как чернила пропитывающие салфетку, расплзся по юбке, корсажу и рукавам. Ещё шаг и багряно-красный пришел ему на смену. Ещё – платье вспыхнуло ослепительным золотом. И это были не все чудеса! Туфельки Ивлин оставляли на ковре шлейф из узоров – бабочек и цветов, которые затем отделялись, оживали, и взлетали вверх, в невесомом танце, прежде чем растаять в воздухе.

Кая с трудом оторвала взгляд от Ивлин, и перевела его на трон. Арид смотрел на приближающуюся к нему девушку. Его лицо было совершенно непроницаемо. Принц Вуд подался чуть вперёд, взглянул вопросительно на отца.

Ивлин остановилась у подножия трона повелителя, склонилась в изящном поклоне, и её платье, будто сделав непростой выбор, окрасилось в серебристо-голубой – цвет морозного узора, который она рисовала тем утром на оконных стёклах. Цветы и бабочки взвились в финальном пируэте, расселись на волосах и плечах девушки, да так и замерли, превратившись в лёд.

- Это и есть твоя госпожа? – спросила догадливая Сирена.

Кая могла лишь слабо кивнуть.

Вся зала погрузилась в молчание, дожидаясь реакции властелина. Ивлин замерла в поклоне, будто бы сама заледенела вместе со своими иллюзорными бабочками.

«Глупое дитя, – прошептала Сирена, – ах, глупое-глупое дитя».

Время остановилось. Гости не смели ни шелохнуться, ни вздохнуть. Что будет-то?

Арид поднял руку, и будто бы невидимая волна смыла краску с платья Ивлин. Цветы и бабочки растаяли. Ивлин осталась в своём белом платье, как была, дрожащая от страха и унижения. Секунды растянулись на века, пока, наконец, повелитель не махнул рукой, отпуская её, и выпрямившись, княжна присоединилась к родителям.

– Где она научилась этому? – спросила Сирена, когда глашатай объявил следующих гостей, а Ивлин затерялась в толпе. Кая хлопнулась на скамейку и машинально осушила свой бокал, даже не ощутив вкуса (стоило это сделать, как он наполнился снова, сам собой).

– Всегда умела. Такой у неё есть *талант*.

Сирена с пониманием кивнула.

– Подожди, пока не увидишь книксен моей госпожи, – подбодрила она, грубовато хлопнув девушку по плечу.

Кая ничего больше не видела и не слышала. Всё, о чём она мечтала это прошмыгнуть вниз, разыскать в зале госпожу, обнять её и утешить, как делала, когда та была маленькой. Ах, раньше было проще: поцеловать вскочивший на коленке синяк, сунуть сахарное яблочко, соорудить смешную рожицу, и всё, её Ивлин уже улыбалась сквозь горькие слёзы. Теперь же... Кая и припомнить не могла, когда княжна плакала в последний раз. Совсем взрослая. Взрослые проблемы так просто не решить.

Слугам, если за ними не посылали, приходилось держаться отдельно. Каю никто не искал, и она так и сидела на месте, наблюдая за гостями, вздрагивая каждый раз, когда в толпе мелькало белое платье. Попытки Сирены хоть как-то отвлечь её, разбивались, как волны о скалы.

Выступали бесчисленные артисты – всего и не упомнить. Девушки с сияющей зелёной кожей и змеями вместо волос танцевали – их движения опутывали чарами зрителей, так что те не могли отвести глаз. Маленькое существо, которое Кая приняла сначала за золотую статуэтку, исполнило песню, которая заставила зрителей рыдать (Кая с удивлением обнаружила, что её щеки мокры от слёз, хотя, что именно заставило её плакать, она вспомнить не смогла).

Кровавая принцесса Ора не дождалась окончания бала и удалилась, не поглядев ни на отца, ни на брата. Арид сидел абсолютно неподвижно. Бал его не слишком-то занимал, и с тем же успехом, он мог быть мраморной статуей. Вуд, напротив, танцевал много, хоть и невозможно было сказать, доставляло ли это ему удовольствие.

Когда бал завершился, Кая вздохнула с облегчением, но обратный путь вышел мукой другого рода. Всю дорогу домой мать бранила Ивлин.

– Это ж надо, пытаться впечатлить тёмных господ своими игрушками! – шипела она, – Он ведь воспринял это как оскорбление. Будто бы мы насмехаемся над ним. И без того положение нашего осколка крайне ненадёжно. Что же теперь с нами будет?

Ивлин молчала, стиснув зубы, и сидела неестественно прямая и неподвижная. А Кая могла лишь крепко держать её за руку.

Глава 6

Богиня и Дракон

ПРЕЖДЕ

Целый месяц после бала Ивлин кисла, и не в Каиных силах было её развеселить. За завтраком она гоняла еду по тарелке, как будто разрабатывала стратегию размещения войск. Если случалось играть в карты, она была такой рассеянной, что Кае (а за годы службы она мастерски научилась поддаваться в настольных играх) никак не удавалось проиграть.

– Там были и другие девушки моих лет, – понуро объясняла Ивлин, снова и снова, перебирая в руках карты и разглядывая картинки, будто видела впервые. – И не у всех платья были белые. Те, что из крупных осколков так расфуфырились, что их самих не видно было за кружевами да ленточками. А другие князья, Кайка! Как они себя вели, будто бы мы им неровня! Вот я и разозлилась, и решила всем показать, чтобы ахнули.

«Что ж, – невесело подумала Кая, разглядывая княжну поверх сложенных веером карт, – ахнули все, это уж точно».

Способ подбодрить княжну открылся Кае неожиданно, одним ранним утром, и воодушевленная, она тотчас отправилась в сад, на поиски юной госпожи.

Менестрели любили повторять, что поднявшись из глубин Чертога, никто уж не мог найти красоты в Забытом мире. В сравнении с сочными цветами царства Арида всё на поверхности выглядело блеклым и линялым. Но только не для Каи! Да, Чертог был великолепен, и всё же его роскошь душила и пугала. Пусть красота родного осколка не была столь же утонченной, она, тем не менее, была живой, дышавшей, пропитанной солнечными красками, которые видят лишь глаза человека, прошедшего в этом краю счастливое детство.

Кардиналы и зеленушки, издавна населявшие княжеские сады, приветствовали утро многоголосой трелью. Энергично щёлкали садовничьи ножницы. Пахло свежескошенной травой. Просыпались в клумбах утренние цветы. В такие минуты мир представлялся Кае безупречным и чистым, каким он, наверное, был в стародавние времена, когда по земле ходила сама Богиня.

Каменная русалка, украшавшая фонтан, шлёпнула по воде хвостом, обрызгав Каю. Ожившие статуи – верный признак того, что Ивлин недавно проходила здесь. Служанка вспомнила обездвиженных морских дев в Чертоге – живые существа, обращенные в статуи. У юной княжны все было наоборот.

Кая отыскала Ивлин у пруда, где склонившие головы ивы роняли в воду прозрачные листья. Среди низко опустившихся ветвей, на берегу, сидела мраморная статуя Богини, баюкая на коленях отсечённую голову своего возлюбленного – Дракона. Ивлин устроилась неподалеку, на плоском валуне, и сидела неподвижно, будто бы сама сделанная из камня.

Это была самая тихая часть сада, намеренно оставленная садовником нетронутой. Плакучие деревья разрослись густо и дико. Лучи, пробиваясь сквозь листву, вбирали в себя её цвет и тоже казались зеленоватыми. С западной стороны пруд зарос густо камышом, а вдоль открытого северного берега цвели нарядные пурпурные нимфеи.

Богиня сидела у самой воды, безо всякого постамента. Тонкие ползучие растения свили на макушке изящную корону. Ил оставил на мраморных ступнях зелёные отпечатки. Скульптор, как было заведено традиционно, изобразил Богиню молодой красивой женщиной с гибкой шеей, изящными запястьями и длинными тонкими лодыжками. Отрубленная голова дракона, напротив, выглядела безобразно. Злобная пасть полная кривых зубов и дикие выпученные глазницы настолько пугали Ивлин в детстве, что княжна вовсе избегала этого уголка сада.

Обычно княжна любила танцующих на поляне нимф, весёлых сатиров с камышовыми свирелями и диковинных птиц. Отчего же теперь она вдруг предпочла эту мрачную компанию?

Тихо ступая по влажной земле, Кая приблизилась к госпоже и пристроилась рядом. Ивлин как будто и не заметила. Они посидели, молча разглядывая плачущую статую, пока спустя несколько минут, княжна не нарушила молчания.

– Что там за легенда, ты помнишь? – спросила она.

Едва ли во всём Забытом мире нашёлся бы человек, не знавший легенду о Богине и Драконе. Ивлин, разумеется, тоже знала её, но иногда любила послушать, как Кая рассказывает. В детстве, она часто забиралась к ней на колени и просила рассказать сказку, а служанка была рада стараться. Вот так и теперь, Кая сложила руки и расправила плечи, приняв, таким образом, положенную рассказчику позу, и начала:

– Давным-давно, когда мир был юным...

...Никто не знает, как он тогда выглядел, и выглядел ли как-то вообще. В нём не было ни деревьев, ни кустов, ни травы, ни цветов. Ни животных, ни птиц. Ни людей. Но в нём, в этом странном, молодом мире, было Озеро.

Оно было круглым и прозрачным. Ничто не росло по берегам. Насекомые не чертили исчезающие узоры на поверхности, в которой, как в зеркале, отражались плывущие по небу облака. Ветер чуть заметной рябью тревожил его покой, солнце согревало воду. А ночью Озеро светилось, отражая сияние луны.

На дне Озера жил Дракон. Его кожа была горячей и золотой в свете дня, и бледной и сияющей ночью. Он плавал под водой, наслаждаясь тишиной и прохладой, а если уставал, то всплывал на поверхность и спал там, на камне, слушая перешёптывания воды и ветра. И хотя дни его были похожи, как две капли воды (выражение, которое сам Дракон нашел бы спорным, потому что для него каждая капля в озере была уникальна), он не знал скуки, потому что молодой мир ещё не ведал ни тоски, ни печали, ни разлуки. Так Дракон и жил, древнее существо, странное и прекрасное, одинокое и вечное.

Так же, как и Она. Мы говорим, что Богиня была всегда, но в те далёкие времена, у неё ещё не было тела. Она была легкомысленным духом, без цели и смысла летавшим на крыльях попутных ветерков, и не имела формы – до той поры, пока не увидела его.

Дракон спал на нагретом солнцем берегу Озера, а она, невидимая, пролетала мимо. И она влюбилась в него, едва лишь взглянув – так в пустом мире появилась любовь.

Но Дракон не мог её видеть. Чтобы исправить это, Богиня немедленно принялась за работу. Она создала собственное тело, таким, каким оно без сомнения понравилось бы её возлюбленному. Из звёзд она выковала себе глаза. Из лунного сияния она соткала себе волосы. Она облетела всю Землю, собирая всё самое прекрасное, ценное и чудесное. В высоких горах она отыскала золотую глину, и вылепила себе тело. Когда же она предстала перед Драконом в плоти, он не смог устоять, и влюбился в неё также сильно и страстно, как она влюбилась в него.

Дракон и Богиня поселились на дне Озера, и были так счастливы вместе, что позабыли обо всём остальном мире. Для любимой Дракон возвёл на дне прекрасный замок из ледяных кристаллов, прозрачных и сияющих, как самые чистые бриллианты, и наполнил его чудесами.

А между тем, мир начал преобразаться. Любовь прогнала из мира пустоту: зазеленела трава, распустились цветы, потянулись к небесам деревья. Среди ветвей запели птицы. Леса и поля заселили животные.

И когда, однажды, заскучав по солнечным лучам, Богиня покинула ледяной дворец и вышла на берег, погреться под солнечными лучами, взору открылся совершенно изменившийся, незнакомый мир. Её любознательному духу захотелось изучить его.

Только вот Дракон не мог покинуть своего Озера, чтобы сопровождать её в путешествии. Он был привязан к своему дому, как черепаха привязана к панцирю. Тогда Богиня пообещала, что вернется очень скоро, ко дню весеннего солнцеворота, и с тем покинула возлюбленного.

Новый мир наполняли невиданные существа. Богиня не уставала давать им имена. Её любимыми были создания из леса. Она сбегались к ней, едва завидев, и опускали головы на её колени, и целовали ей руки. Она назвала их своими Детями.

Богиня собиралась вернуться к Озеру, как и обещала, к солнцевороту, но чудеса мира захватили её. Каждый раз находился миллион вещей, отвлекавших её: она помогала своим Детям возделывать землю, она учила их петь и рисовать, она утешала их, если им было страшно. Её душа болела при мысли об Озере и Драконе, но она не могла вернуться. Не теперь. Только не теперь.

Однако то, что для Богини пролетело за какие-то мгновения, для Дракона растянулось на века. Он ждал её, привязанный к родному Озеру, чья прохлада более не успокаивала его. Он видел прекрасный, изменившийся Мир, просвечивающий сквозь поверхность воды, и ненавидел его всё сильнее. Мир, который он был вынужден созерцать издали. Мир, ставший для него соперником.

Дети Богини меж тем расплодились по свету, и куда ни кинь, всюду были их следы. Их пронзительные голоса сводили Дракона с ума. Они рыли в земле колодцы, чтобы добывать воду, уродовали устья рек, чтобы орошать поля, ловили в морях рыбу и ныряли до самого дна в поисках жемчуга и кораллов. Иногда им хватало наглости приближаться к самому Озеру и жадно заглядывать в глубину, желая раскрыть его тайны, и тогда вода вскипала и чернела, и они были вынуждены отступить. До поры.

Ледяные шпионы приносили Дракону известия со всего мира, и то, что он узнавал, наполняло его завистью и гневом. Пока однажды чаша терпения окончательно не переполнилась, и он не ослеп от ярости. Дракон призвал свою магию, всю силу которой не ведал до того мгновения. По его команде все озера и реки в мире вскипели и вышли из берегов. Они обрушились могучими волнами на поселения Детей Богини, смывая дома, заливая сады, унося скот. Уцелевшие бросились бежать, подальше от воды, на вершины гор, где ярость Дракона не могла до них дотянуться.

Они взмолились Богине о милости, и она откликнулась на их призыв, и пришла к Озеру. Она была всё также прекрасна, только её лицо было мокрым от слёз. Она протянула руки к своему возлюбленному, и когда он, не веря глазам, упал в её долгожданные объятия, одним ударом меча отсекла ему голову.

Дети возликовали. Богиня-избавительница, так они называли её. Они стали целовать ей руки, петь гимны в её честь, украшать её голову венками. Но ничто не могло осушить слёз Богини. Укачивая в руках голову Дракона, она сидела на берегу Озера. Её красота померкла, побледнела, а потом она и вовсе исчезла, потому что во благо людям пожертвовала своим сердцем. И в благодарность за эту жертву, по сей день, мы...

– ...празднуем день Богини, – закончила вместо Каи Ивлин, и со вздохом расправила складку платья.

– Отчего же Богиня любила Дракона? – спросила она чуть погодя. – Ведь он был жестоким и злым?

Кая, знавшая о любви не многим больше своей госпожи, пожала плечами.

– Это же просто легенда. Там вечно все чудаковато.

Княжна насупилась, недовольная таким ответом, а потом спросила:

– Зачем ты меня искала?

– Гляди, что мне пришло сегодня с утренней почтой, – жестом фокусника, припасшего напоследок лучший трюк, Кая достала из кармана коричневый, неряшливо вскрытый конверт. В правом верхнем углу стояла печать с номером сто тридцать три. – Нас приглашают в гости.

– В гости? И куда же?

– К моей знакомой, – улыбнулась Кая. – Она просто жаждет с тобой встретиться.

Глава 7

Самый маленький осколок

ПРЕЖДЕ

Они ехали так долго, что ещё чуть-чуть и уж точно добрались бы до самого Верхнего мира. Становилось всё жарче. Аридова магия была здесь слабее, и пустыня, налегая, что было мочи на невидимый барьер, отыскивала в нём трещинки и просовывала в них свои обжигающие пальцы.

Мать Ивлин, княгиня Лилайя, приходилась правительнице самого маленького осколка дальней родственницей. Она немало удивилась, услышав про приглашение:

– Примула не общительна, – пояснила она. – Затворница, как я слышала. Но раз уж такое дело, полагаю, вреда от небольшого путешествия не будет. Сегодня же напишу ей письмо. Хотя, она так стара, что едва ли сможет его прочесть.

Кая глядела в окно, пока от палящих лучей не заболели глаза. Княжна дремала, растянувшись поперёк сидений и подложив под голову свёрнутую куртку. Отправляясь в путешествие, Ивлин не наряжалась, предпочтя практичный наряд – белую рубашку с просторными рукавами, узкие брюки и высокие сапоги. Простая дорожная одежда шла ей не меньше, чем бальное платье.

– Ты похожа на разбойницу, – сообщила ей Кая. Ивлин довольно усмехнулась: она обожала истории про пиратов и бандитов. Подобная роль подошла бы госпоже как нельзя лучше.

Поначалу, на дорогах было довольно оживлённо. Им попадались крытые повозки, всадники на резвых конях и лёгкие кареты. Другие осколки проплывали мимо, выделяясь в пустынном однообразии, как мазки яркой краски на голом холсте. Но чем дальше они ехали, тем меньше встречалось людей, и вскоре Кае начало казаться, что они едва ли не одни во всем мире, так тихо и пусто стало вокруг.

Сделалось жутковато. Пустыня давила на стены кареты, и невольно на ум приходили истории, слышанные в детстве. О песчаниках – страшных порождениях пустыни, время от времени выбиравшихся из нор и истреблявших всё живое, попавшееся им на пути.

Армия демонов противостояла песчаным созданиям. Не всегда успешно. Один из Аридов прошлого даже пал в битве с ними. Уже не осталось в живых никого, кто лично был тому свидетелем, но истории переходили из уст в уста, от родителей к детям. Бабка рассказывала маленькой Кае (вот уж неподходящая сказка на ночь!) о том, как в миг, когда правитель упал с коня, во всех осколках Забытого мира перестали бить источники. Пали магические барьеры. Обрушилась волна невыносимого жара. И, наверное, конец бы пришёл Забытому миру, если бы племянник правителя не взял власть в свои руки и не вернул в мир магию. И всё же тот день нагнал страху на жителей осколков. Да напомнил всем лишний раз о том, насколько они зависят от Арида. Удивительно ли, что Кая не могла унять дрожь, представляя силу пустыни?

Уже ближе к вечеру карета пересекла границу сто тридцать третьего осколка. Да, Сирена нисколько не преувеличила, когда описывала его. Цветом он почти не отличался от окружающих песков. Редкая растительность была тусклой и пыльной. С севера осколок заслоняла, словно гигантская ладонь, скала, дарившая в определённое время дня широкую тень. Каменные одноэтажные жилища стояли без всякого порядка, тесно прижавшись друг к другу. Стены украшали когда-то яркие, а ныне поблёкшие на солнце рисунки: причудливые рыбы и осьминоги. Несколько женщин собрались, дожидаясь очереди, у колодца. Ребятишки в длинных, развевающихся балахонах, с криками сопровождали карету, и кучер раздражённо отгонял их.

Но бедность сто тридцать третьего была не самой большой его примечательностью. Ею, увы, был запах. Он ударил в лица путешественницам, стоило карете свернуть с главной артерии по направлению к осколку.

– Что это? – воскликнула Ивлин, прижимая к носу платок.

Это была кожевня – главный источник дохода для местных жителей.

Дорога пошла вверх, забираясь на голую скалу, прочь от зловония, к небольшому особняку.

– Здесь живёт правитель осколка? – спросила Ивлин с сомнением.

Дом был кособок и уродлив. Въехав в арку ворот, они оказались во внутреннем дворе, выложенном широкими каменными плитами, со статуей Богини посередине. Неуклюжий паренёк в рабочей рубаше – очевидно, конюх – мялся неподалёку, не решаясь подойти и приветствовать гостей. Видимо, не так-то много их бывало в этих краях.

Сирена, которую Кая не сразу признала в богатом тёмно-синем платье и с распущенными волосами, вышла навстречу.

– Чего вылупился? – крикнула она мальчишке. – Ну-ка, займись лошадьми!

Затем, расставив в стороны руки, направилась к гостям, сияя радушной улыбкой.

– Кая, – воскликнула она, даже не подумав о том, что княжну, вообще-то, положено приветствовать первой. – Как мило, что ты приняла наше приглашение!

Сердечно, будто давнишнюю подругу, она обняла сначала Каю, а затем и смущённую Ивлин.

– Госпожа Ивлин! Ах, какая же ты хорошенькая, моя девочка! Ну, просто куколка! Идёмте, скорее. Познакомлю с моей старушкой!

Сирена повела гостей через двор и двойные дубовые двери, в тихий холл. Стены были обиты панелями из светлого дерева. На полу лежал, поглощая звуки шагов, мягкий ковёр. Тишина стояла чуть ли не торжественная. Плотные занавески на окнах пропускали света ровно настолько, чтобы обитатели не спотыкались в потёмках, и полумрак царил как в храме.

Сирена завела их в маленькую комнатку, где в кресле у высокого окна сидела старуха и перебирала спицами, попадая в петли вязания только от случая к случаю. Разноцветные клубочки ниток валялись вокруг неё, двое котят играли с ними.

– Госпожа Примула, – крикнула Сирена в ухо старухе, – погляди-ка, кого я тебе привела!

Старуха подняла голову и прищурилась поверх очков.

– Это – княжна Ивлин из – какого? – сто двенадцатого осколка. Помнишь душечку Лилайю, троюродную племянницу? Намедни пришло от неё письмецо. Так вот это её дочка! А это Кая, спутница.

Старуха прошелестела что-то, чего ни Кая, ни Ивлин разобрать не смогли. Им оставалось лишь поверить на слово, когда Сирена объяснила, что княгиня Примула «очень рада с ними познакомиться».

– Не будем ей мешать, – сказала Сирена тихо. – Идёмте, покажу ваши комнаты.

Несмотря на то, что внешне дом княгини Примулы был невелик, человек не знакомый с расположением комнат, легко мог бы заблудиться в нём. По коридорам и анфиладам свободно гуляли сквозняки, скручивая маленькие вихри из заметавшего внутрь песка. Узкие пыльные каморки соседствовали с просторными залами, где вдоль стен висели картины, а потолки украшали люстры из хрустальных бус.

– Кто ещё живет здесь? – спросила Ивлин.

– Княгиня давно уж овдовела, детей у неё нет, близкой родни – тоже. Кроме внучатой племянницы, которая унаследует титул, а до тех пор и носа сюда не сунет. Так что, только мы да челядь.

Саму себя Сирена к слугам явно не относила. Кая смутно подивилась тому, как свободно, по-хозяйски она себя вела.

Они посетили библиотеку с изрядным собранием книг по истории и искусству. Ивлин не спеша прошла вдоль рядов шкафов, жадно впиваясь взглядом в названия на каждом корешке.

– Разумеется, можете пользоваться всем, что есть. Хотя, я надеюсь, мы отыщем вам тут развлечения поинтереснее чтения.

Кая учила грамоту вместе с госпожой, но библиотека в замке князя была скудной, и им не потребовалось много времени, чтобы зачитать до дыр всякую книжку, какую только было возможно отыскать на полках.

– Здесь есть и история Забытого мира, и романы, и стихи, – небрежно перечислила Сирена. – И ещё пара книг из Верхнего мира.

– Из Верхнего? – встрепенулась Ивлин. – Где ты их достала?

– Если хорошенько поискать, можно найти всё, что угодно, верно?

Для гостей приготовили две смежные комнаты, светлые, просторные и по-деревенски простые. Лняные простыни и занавески, выстиранные, выглаженные, хрустящие, как снег на морозе. В вазах стояли хорошенькие букетики белоснежных роз. Кая удивилась, увидев их, не похоже было, что в сто тридцать третьем осколке выращивали цветы, однако, подойдя ближе, она обнаружила, что розы сделаны из шёлка, насаженного на проволочную основу.

Деревянные малиновки, зяблики и ласточки, вырезанные и раскрашенные искусной рукой, расселись на полках, прикроватных тумбочках и шифоньерах. Крестьяне считали птиц охранителями дома. В каждом осколке их делали по-своему, передавая секреты мастерства от отца к сыну.

Ивлин разглядывала пичуг с озорным блеском в глазах, но Кая, вовремя догадавшись, одернула её:

– Даже не думай, Ив!

– А что такого? – невинно спросила княжна.

– А то, что мне потом никогда не расставить их по местам, как было!

– Они бы сами расселись по местам, – проворчала Ивлин, не слишком уверенно, и оставила птиц в покое.

Отдохнув и переодевшись с дороги, Ивлин и Кая спустились вниз, где на открытой террасе ждал накрытый стол. Девочка лет десяти прислуживала, и никак не желала оторвать от Ивлин влюблённых глаз.

– Вот, держи, – сказала княжна, снимая с волос жемчужную заколку, и прикрепляя к тоненькой косичке девочки. – Нравится?

Сирена улыбнулась, наблюдая за сценой.

– Знаешь, Ивлин, – сказала она, – твой выход на балу у Арида произвёл впечатление. Весь Забытый мир об этом только и судачит. Вот увидишь, пройдёт немного времени и магия войдёт в моду. Знатные дамы потянутся к крестьянкам с уговорами научить их каким-нибудь фокусам.

– Зачем им это? – спросила Кая, озадаченно. – Разве Арида не разозлила выходка Ивлин?

– Не думаю, – проговорила Сирена. – Скорее, она его... заинтересовала.

– Почему?

– А как же иначе! Много ли вы видели колдуний, способных выкинуть что-нибудь эдакое? Талант к магии даётся от рождения только демонам. Максимум на что способна более или менее толковая ворожея – это сварить зелье, от которого не вырастет хвост.

– Но я не демон, – сказала Ивлин, бросая тревожный взгляд на Каю.

– Конечно, нет, душечка! – Сирена похлопала её по руке. – Никто такого и не говорил. Однако талант твой и вправду большая редкость. А, кто знает, может быть и нечто вовсе невиданное.

Кая проглотила комок, вставший поперёк горла.

– Не бери в голову, – Сирена махнула рукой, будто разгоняя нависшие над столом тучи. – Что сделано, то сделано, так? Вы здесь, чтобы развлечься. Ивлин, думаю, полезно будет забыть на время, что она княжна.

– Пожалуй, – пробормотала та, пряча лицо в чашке.

А Кая ещё раз, про себя, произнесла слово, будто бы пробуя его на вкус:

«Невиданное».

Неужто и впрямь?

Глава 8

Алмазный Фонтан

ПРЕЖДЕ

Сирена развлекала их, как только могла. Втроем, пренебрегши каретой, они пешком спустились в деревню. С высоты скалы им открылся занятный вид на кожевню – чаны с уксусной кислотой и красками, натянутые на рамы шкурки животных и крошечные, как муравьи, люди. Сирена объясняла девушкам технологию выделки кожи и меха, тонкости, которые мастера из сто тридцать третьего осколка постигали с малолетства.

Чем ниже они спускались, тем гуще становился воздух. К нещадному зловонью, исходящему от кожевни, прибавлялся запах песчаных лис, живших в просторных вольерах. Он пропитал всё кругом, вьелся в стены домов и в одежду жителей.

Кая не слишком-то любила лис с их пронзительными взвизгами и острыми зубами, но Ивлин пришла в восторг от пушистых зверушек.

– Хочешь покормить их? – спросила ходившая за ними женщина. – Они едят ящериц, мышей, объедки со столов – всё подряд.

Ивлин согласилась («Ой, только не мышками!»), и лисята сбежали к ней, точь-в-точь дети, выпрашивающие конфеты.

– Дома одежду придется выбросить, – проворчала Кая. – Такую вонищу вовек не отстираешь.

– Не ворчи, Кая, – укорила Ивлин. – Мы же в гостях.

Сирена рассмеялась.

– Приехав сюда впервые, – сказала она, – я, помнится, сама чуть в обморок не грохнулась. А сейчас и не замечаю почти.

– Ты не здешняя? – спросила Кая.

– Нет.

– Откуда же?

– Из такой же дыры, отсюда чуть севернее. Мне было только чуть больше, чем тебе сейчас, когда я приехала в сто тридцать третий. Сколько же лет назад? Ох, так давно.

Дети следовали за ними по пятам. Один из мальчиков упал и разбил коленку, а Ивлин подула на рану, и та мгновенно затянулась, оставив чуть заметный розовый след.

– Я никогда такого не пробовала, – призналась Ивлин смущенно. – Только с птицами.

Каждое утро девушки спускались в деревню. Прослышав про целительский талант княжны, к ней потянулась толпа людей, жаловавшихся на самые разнообразные недуги, от головной боли до глухоты. Кая пыталась было возражать – не хватало ещё, чтобы юная госпожа возилась со всякой заразой! – но Ивлин не стала и слушать. Смело она протягивала руки каждому, кто просил. И хотя таланта её хватало лишь на мелкие жалобы – синяки, царапины, несильные ожоги, люди всё равно были благодарны, и приносили скромные дары – браслеты из дешёвых бусинок, караваи с сушеными фруктами. Это льстило юной княжне, но не в этом была причина, по которой она пыталась помочь. Всё-таки её волшебство шло от чистого сердца.

Со скалы, на которой стоял дом княгини, вид открывался не только на осколок и кожевню. У пустыни, равно как и у всего Забытого мира, была граница. Она лежала на западе, и отмечалась темнеющей в отдалении полосой Выжженного леса.

– Здесь чувствуешь себя мелкой рыбкой в огромном океане, – сказала Сирена однажды утром, стоя с Каей и Ивлин на открытом балконе. – О, поглядите-ка. Видели когда-нибудь этих тварей?

Кая проследила её взгляд к западу и резко втянула воздух. Там песчаный покой нарушался... чем-то. Сначала, Кая приняла это за крутящийся ветер, поднявший в воздух песок, но потом заметила, что беспорядочные движения вовсе не похожи на неистовство пустынного вихря. Они были отрывистыми, резкими, агрессивными. Как будто беспокойный дух пробудился среди дюн.

– Песчаники, – бросила Сирена как будто о чем-то совершенно незначительном. – Мы ведь тут на самом краю мира. Они подходят ближе, чем к другим осколкам. Не бойтесь. Магия нашего правителя Арида не даст им причинить нам вред.

Кая прикусила губу. Несмотря на жару по спине, между лопатками, пробежал холодок. Усилием воли она заставила себя оторвать взгляд от песчаников. Ивлин, напротив, смотрела без страха, с любопытством.

– В них столько ярости, – задумчиво произнесла она, и Кая молча согласилась. Как и во всей пустыне.

Был третий день их пребывания в гостях. Ивлин расположилась в кресле с книжкой по истории Забытого мира и задремала. Кая, чтобы не потревожить её, на цыпочках выскользнула в коридор.

Она прошлась туда-сюда, разглядывая портреты разодетых в пух и прах дам и господ. Кем они были, Кая не знала, но предполагала, что раз уж художники взялись писать их, на то должна была быть веская причина. Каю, к примеру, ведь рисовать никому и в голову не придет.

Она зашла в библиотеку с тем, чтобы выбрать новую книгу, и задержалась у карты, висевшей на одной из стен. Карта изображала Забытый мир. Кая несколько раз проходила мимо, не обратив внимания, но теперь что-то заставило её приглядеться. Желтая пустыня изрезанная тонкими зелеными линиями дорог, с точечками, отмечающими осколки и гигантской короной там, где был Чертог. Все, казалось бы, как надо. Только вот... точек было чересчур много.

Кая принялась считать. Дойдя до двух сотен и семидесяти трёх, она сбилась. Не может быть! Почти три сотни осколков. Что это за карта такая?

– Этой карте, – сказала неслышно подошедшая Сирена, – уже более трёх сотен лет.

Кая повернулась к ней.

– Триста лет назад осколков было так много?

– Её нарисовали примерно в то время, когда нынешний Арид пришел к власти. Чтобы сесть на трон, он отрубил голову своему отцу, братьям и полусотне других претендентов. Не смотри так, Кая. Не забывай, что речь тут идёт о Чертоге.

Похожие слова произнесла недавно Ивлин. Оправдание жестокости: *это ведь Чертог!* Придёт ли время, когда Вуд или Ора сядут на трон таким же отвратительным образом?

– Куда же делись все эти осколки?

– Некоторые были объединены. Большинство уничтожены.

– Откуда ты знаешь об этом так много?

– Ты, правда, хочешь знать? – Сирена задумчиво приложила палец к губам. – Кая, ты умеешь хранить тайны?

– Только в том случае, – осторожно ответила Кая, – если это никому не повредит.

– Тогда за мной.

По одной из узких винтовых лестниц, которых в доме княгини Примулы было в изобилии, они спустились в подвал. Сирена зажгла факел. Его колеблющееся пламя заставило тени безумно метаться из стороны в сторону.

Стоило оказаться на лестнице, как снизу повеяло холодом. Сперва это была лишь чуть заметная свежесть, как бывает, если полежав на солнышке, заходишь потом в тень. Но с каждым шагом – каждой ступенью – он становился заметнее, и скоро Кая уже зябко потирала открытые руки.

Нижние ступени лестницы покрывал слой инея. Крошечные ледяные кристаллы закрепились под подошвами туфель. Дыхание белым паром закружилось в воздухе.

Сирена не спеша прошла вдоль стен, зажигая свечи, и по мере того, как множились огоньки, глазам открывались новые и новые детали обстановки. Подвал, из тех, куда стаскивают хлам, что накапливается со временем в любом доме, и избавиться от которого то ли жалко, то ли просто руки не доходят. Холод стоял такой, что занули зубы. Лед сковал все: и накрытый обеденный стол на десять человек, и деревянные стулья, сваленные, как попало в углу. И нечто громоздкое под рваной простыней – гардероб или шкаф. Старая выцветшая картина, стоящая на полу, привалившись к стенке, так заледенела, что уже было и не разобрать, что на ней изображено.

Но все это было лишь фоном – декорациями в театральной пьесе. Центр сцены же, несомненно, занимал предмет, которому Кая не смогла дать названия. Это была высоченная рама, витиеватая, красивая, будто бы сплетенная из хрустальных лоз, с особенно сложным узором на сводчатой вершине. В центре рамы висела, опустив голову к груди, статуя. Лозы тянулись к фигуре, цеплялись за неё и оплетали руки, ноги, шею, так что она казалась пойманной в ловушку. И рама, и лозы и сама статуя были сделаны из прозрачного чистого льда.

От рамы исходили потоки холода. Кая обхватила себя руками за плечи, стараясь удержать тепло.

– Что это? – спросила она Сирену.

– Это – Привратник, так его называли в старые времена. Во всем этом доме лишь он один принадлежит мне. Приехав сюда, я привезла его собой. Ах, ты и не представляешь, каких хлопот мне это стоило.

– Откуда он у тебя? – спросила Кая, не отрывая взгляда от Привратника. Она сомневалась, что подобную вещь можно купить в лавке.

– Достался в наследство. Знаешь, я ведь не всегда была служанкой. Погляди, видишь? Он был разбит когда-то, и его собрали снова. С тех пор он уже не работает так, как надо.

Приглядевшись, Кая заметила едва различимые линии, разбегающиеся по поверхности льда, как паутинки в ловчей сети.

– Кто его разбил?

– Арид... один из Аридов прошлого. Это было очень давно. Его постигла та же участь, что и сотни других Привратников.

– Зачем разбивать их?

– Из страха. Все существа боятся того, чего им не понять. Привратники появились задолго до Арида. Их создала древняя магия, которую он не вполне понимает. Он бы и вовсе уничтожил их, только сделать это не так просто. Может статься, невозможно.

Кае трудно было представить, что могущественный Арид мог бояться чего-то.

– По легенде, – продолжала Сирена, – Привратники были шпионами Дракона в надводном мире. Они заманивали в сети людей и собирали из их воспоминаний истории, благодаря которым Дракон знал обо всём, что происходило на земле.

– Зачем ему это?

– Из скуки. Из любопытства. Пока он не знал Богиню, ему хватало его озера, но войдя в его жизнь, она научила его многим доселе неизвестным чувствам. И, как умел, он утешал их. Подойди ближе.

Кая вовсе не хотелось подходить ближе. Как раз наоборот, она бы предпочла обратиться подальше от этой штуковины, развернуться и бежать со всех ног. Но она не побежала. Вместо этого она сделала несколько неохотных шагов к Привратнику.

– Давай же, – подбодрила Сирена, – дотронься. Он не укусит.

Девушка протянула руку и только коснулась, как вдруг глаза статуи распахнулись. Они были такими же прозрачными, как и остальное тело, но, несомненно, живыми. Что-то, как будто невидимые щупальца, потянулось к ней. Что-то жадное, голодное, нетерпеливое. Кая отскочила, пряча руку за спиной – пальцы горели от прикосновения.

– Привратники хранят мир воспоминаний, – сказала Сирена. – Они копят их и сплетают в гигантскую паутину. Пусть Дракона уже нет, но его магия так сильна, что до сих пор работает. Можешь вообразить, на сколько вопросов смог бы ответить Привратник? О происхождении мира, о самой нашей вере.

– В нём сохранились такие старые воспоминания?

– Кто знает? Чтобы добраться до них нужно слишком много сил – даже Арид едва ли сумеет это сделать. Путешествие по самой поверхности мира Привратника – и то немалое испытание, а чем древнее воспоминания, тем глубже они хранятся. Необученный человек не сможет сделать и двух шагов, не потерявшись в нём. Бесчисленное множество глупцов отправилось разведывать спрятанные там тайны, и так и не отыскало дорогу назад.

– Если ты не умеешь им пользоваться, зачем он тебе? – спросила Кая.

– Кто сказал, что не умею? – ухмыльнулась Сирена.

– Ты сказала...

– Я сказала, что человек *необученный* не сможет.

– Так ты что же, ведьма?

– Ах, нет, ну что ты! Просто тот, от кого мне достался Привратник, научил меня им пользоваться. А я хочу научить тебя. Мне нужна прядь твоих волос, дорогая.

Сирена достала из кармана ножницы и протянула их Кае.

– Это ещё зачем?

От бабки Кая знала с десяток недобрых заклинаний, для которых могли понадобиться волосы. Если Сирена уверяла, что не ведьма, это не означало, что так оно и было в действительности. И пусть Кая не была высокого мнения о ведьмах, она все же знала, на что были способны некоторые ворожеи. Ещё чего доброго Сирена задумает превратить её в лягушку или в паука. Брр. И что тогда делать? Жить в стеклянной банке на подоконнике у Ивлин? Княжна уж точно будет забывать покормить её...

– Ты хочешь увидеть мир Привратника или нет? – нетерпеливо спросила Сирена.

«Не очень», – подумала Кая. Она боялась того, как настойчиво он тянул её. Чувство это было схоже с тем, которое вызывала пустыня – притяжение и страх перед необъятным, лежащим за гранью человеческого понимания.

Тем не менее, любопытство и нежелание обижать радушную хозяйку возобладали, и она распустила косу, отрезала прядь и протянула Сирене.

Женщина привязала прядку к концу длинной веревки. На другом конце она сделала две петли.

– Держи, – она протянула веревку Кае, – привяжи вон к тому кольцу, а в петлю просунь руку, и затайни покрепче.

Кая привязала веревку к оловянному кольцу, торчащему из стены, и затащила петлю на запястье так, как было велено.

– Следи, чтобы не соскользнула. Если потеряешь верёвку, я тебя не удержу.

Кая кивнула.

– Тогда давай, – сказала Сирена, и подтолкнула девушку к Привратнику. – Не бойся, я сразу следом.

На секунду Кая заколебалась: что ей делать? Подойти вплотную? Или прикоснуться? Привратник решил за неё: как только она подошла достаточно близко, он внезапно схватил её за предплечья, грубо и небрежно, и затащил через раму прямиком в свою паутину.

Она взвизгнула и попыталась вырваться. Безуспешно – ледяные руки держали крепко. Кая явственно ощутила, что Привратник не был предметом, а разумным существом с собственной волей и силой. Она ощущала его голод, жадность и жестокость, как нечто физическое, сжимающее в тисках.

Пол ушел из-под ног, и одно долгое мгновение она падала, увлекаемая силой Привратника вперед и вниз. Ни на что не похожее чувство, которое, должно быть, испытывает сухой лист, попавший в плен вихря. А потом она поняла, что оказывается, больше не летит, а стоит на четвереньках на мягкой земле. Кая не могла припомнить, как так вышло: реальность просто выросла вокруг неё, как вырастает вокруг древних руин густой лес.

Ладони упирались в пышный травяной ковер, все ещё мокрый от росы. Ветерок щекотал плечи. Мимо жужжали насекомые, трудяги пчелы и царственные шмели, а в траве прятались тоненькие кузнечики.

Кая подняла голову и огляделась. Перед ней сиял город. Солнечные лучи играли в каскадах фонтанов и гранях стекол, отражались от зеркальных крыш и прыгали по стенам. Воздух был сладким, как в лавке булочника, и полным прохладного шума воды.

– Как я тут очутилась? – прошептала Кая.

Что-то дернуло её за руку, и, опустив глаза, она увидела на запястье тугую петлю. Пальцы сами собой потянулись к голове, туда, где была срезана прядь волос.

– Неплохо, – сказала за спиной Сирена, – не все могут так сразу вспомнить. Вставай.

– Где мы? – пробормотала Кая, поднимаясь, пытаясь привести в порядок мысли.

– Привратник похож на огромного паука, а это – одно из воспоминаний, застрявших в его паутине.

Кая даже не пыталась понять и просто поплелась за Сиреной, безропотно, зная, что без помощи ей из этой «паутины» все равно не выбраться. Они двинулись по траве, между подстриженными кустами.

Только тут она начала замечать нечто странное. Мимо них сновали люди. Женщины с младенцами на руках прохаживались по чистеньким дорожкам парка. Дети постарше носились по траве. За воротами начиналась просторная улица, по которой, грохоча колёсами, проносились пышные кареты. Всё выглядело реальным, и в то же время, в них было что-то странное. Нематериальное. Точно улицу заполонила толпа призраков.

– Привратника мало интересуют люди, – объяснила Сирена. – Он напоминает нам лишний раз, что мы в мире малозначительны и не заслуживаем внимания. Зато места... вон там, погляди, – Сирена кивнула вперед. – Видишь? Княжеский дворец. Его он запомнил до мельчайшей детали.

Все здания казались Кае одинаково прекрасными и величественными, похожими на гигантские драгоценности. Каждое из них могло бы быть, в её неискушенных глазах, дворцом. Сирена, однако, говорила о башне, поднимавшейся вверх и вверх, до самых облаков, макушку которой венчало подобие короны.

– Какой это осколок? – спросила Кая.

– Его называли «Алмазный фонтан».

– А какой у него номер?

– У него не было номера. Алмазный фонтан перестал существовать до того, как Ариду пришла мысль пронумеровать осколки.

– Перестал существовать? – Кая огляделась. Который раз ей приходилось напоминать себе, что они находились в чьём-то воспоминании.

Они вошли в тень, отбрасываемую четырьмя круглыми платформами, приподнятыми на столбах над землей. На цепях между ними чуть заметно покачивались висячие сады. Площадки соединялись широкими мостами, по которым сновали люди: вельможи, горожане, лакеи. Одежда на всех была такой богатой, скроенной по незнакомой моде, что Кая не могла отличить знатного человека от слуги.

– Поднимемся наверх, оттуда будет лучше видно, – и по крутой лестнице они поднялись на одну из платформ. С высоты осколок лежал перед ними, как на ладони. Сияющая драгоценность, оброненная великаном в пустыне.

– Нас никто не видит?

– Нет, разумеется. Нас ведь тут не было.

Кая наклонилась к одной из клумб, и сорвала оранжевую розу.

– Как же я могу сорвать цветок?

– Это иллюзия. Здесь работают другие законы, Кая. Привратник подстраивается под тебя. Если ты думаешь, что можешь взять что-то в руки, то ты и впрямь можешь. Ты видишь цветок и представляешь себе его запах, его фактуру, вес, каким он будет в руке. Привратник использует твоё воображение, чтобы помочь тебе. Однако самого воспоминания это не меняет. Посмотри снова на клумбу.

Кая опустила глаза. Роза, та же самая, которая была в её руке – была на своем месте, как будто ничего не произошло.

– Стоит тебе отвлечься, предметы возвращаются в изначальный вид. Брось цветок на землю, отвернись – он исчезнет. И хватит на этом, я привела тебя сюда не для лекций по механизмам воображаемых измерений.

«Зачем же?» – подумала Кая.

Они прошли по дорожке, меж плодовых деревьев и аккуратно подстриженных кустов. Бесчисленные садовники подравнивали траву серебряными ножницами, протирали листья, поливали клумбы, подрезали ветки. Поддержание подобной красоты, без сомнения, требовало усилий.

– Алмазный фонтан, – сказала Сирена, – был одним из крупнейших осколков. Прежний Арид благоволил местной династии, но со сменой власти в Чертоге положение Алмазного фонтана изменилось.

– Зачем мы здесь? – спросила Кая.

– Потерпи. Скоро увидишь.

– Как мы найдём дорогу назад?

– По веревке. Демоны могут перемещаться по Привратнику так, как им вздумается, но простые смертные вынуждены прибегать к хитрости.

Снова Кая задумалась над тем, как много Сирена знала о магии. У неё был ключ от ворот в совершенно другой мир. В мир, созданный драконом, не больше, не меньше. И она ещё отрицает, что ведьма. Ха, как же!

Испуганный крик перервал Каины размышления. Садовница (призрак) в зелёном фартуке, стригшая траву, выронила ножницы и вскочила, глядя под ноги так, будто увидела там змею. Несколько голов, озадаченно, повернулись в её сторону. Трясущейся рукой девушка указывала на землю. Кая подошла ближе. Прямо посреди изумрудного газона расплзлось ржавое пятно пожухлой травы. Стали собираться люди, озадаченные и испуганные.

– Владыка отнял у нас милость, – прозвучал громкий голос, отчетливый, среди невнятного шепота. – Он разгневался на нас. Нужно бежать!

Вырванные из оцепенения этим ясным, уверенным утверждением, люди бросились вон из сада. На лестницах началась давка.

Кая приблизилась к высохшему пятну на газоне и провела по нему рукой. На ощупь трава была как бумага. Начали падать сухие листья. Они летели все быстрее и быстрее. Скоро забы-

тые садовые инструменты и брошенные игрушки скрылись из виду под толстым коричневым ковром. Ветви деревьев, облетев, не дарили тени. Солнце начало жечь плечи и голову Каи, разгораясь жарче. С высоты платформы Кая видела, как замолкли разом все фонтаны.

Поток магии – невидимый источник, питавший этот зеленый оазис, посреди пекла – иссяк. Арид оборвал его, легко, как Кая несколько минут назад оборвала стебель иллюзорной розы – ещё легче, быть может. Без сопротивления магического барьера, пустыня напала на «Алмазный фонтан».

Люди бросали дома. Паника нарастала. Кая, забыв, что перед нею лишь эхо давно ушедшего прошлого, в ужасе наблюдала, вцепившись пальцами в балюстраду.

– Это ведь... – прошептала она, показывая пальцем в сторону горизонта. Что-то двигалось в песке, взрывая его и прокладывая путь к городу.

– Песчаники, – закончила Сирена. – Да, они самые.

Существа надвигались пугающе быстро. Кая хотела бы зажмуриться, но глаза отказались повиноваться. В детстве она представляла их себе, как чудовищ – демонов, сродни тем, что населяли Чертог, но теперь видела, что они не были демонами. Нечто решительно иного склада: сродни силам природы – грохочущим молниям или торнадо. Они не рычали и не скалились. Не запугивали. Они просто уничтожали всё, что попадалось на пути. Набрасывались на бегущих людей, разоряли дома и топтали клумбы с мрачной сосредоточенностью, будто выполняя чью-то волю.

Люди бросали вещи и бежали к нефритовой дороге-артерии – единственному безопасному месту, ещё защищённому магией.

Сирена прикоснулась к Каиному плечу.

– Идём, становится жарко.

Кая схватила протянутую руку, страстно желая поскорее выбраться из этого кошмара, и Сирена потянула её, вырывая из воспоминания и из рук Привратника.

Ледяные когти существа впились в кожу девушки, пытаясь удержать, и когда она рванулась на свободу, оставили три глубокие отметины на левой руке, чуть повыше локтя.

Кая снова стояла в подвале, в сто тридцать третьем осколке, в настоящем. Привратник закрыл глаза и замер, безмятежно спокойный, будто никто не тревожил его сон.

– Он меня поцарапал, – проговорила Кая, прикрывая рану рукой. Рукав висел лохмотьями, и капельки крови пропитывали ткань.

– Ничего страшного, – Сирена сняла верёвку, связывавшую запястье девушки. – Я перевяжу.

– Богиня, милостивая и великодушная! – колени едва держали Каю. – Что ж случилось с теми людьми?

– Ну, знаешь, как бывает. Кому-то повезло, кому-то нет. Кто-то остался под песком. Кто-то добрался до дороги и по ней до соседнего осколка. Последних, разумеется, меньшинство.

Сирена помолчала, затем, положив ладонь на плечо Каи, сказала серьёзно:

– Я хочу, чтобы ты запомнила то, что увидела сегодня. Это важно. И ещё кое-что, – она дождалась, пока Кая встретит её взгляд. – Моя помощь не многого стоит, но если она понадобится, ты получишь её сполна.

И девушка подумала, что за этими словами прячется намёк на будущее, которое ей, Кае, пока не было понятно, а для самой Сирены – видно совершенно отчётливо.

Глава 9

День Богини

ТЕПЕРЬ

Ив задержалась в тамбуре, и некоторое время наблюдала за матерью сквозь стеклянное окошко в двери. Пассажиров было мало: пожилой мужчина спал с открытой книгой на коленях да две жрицы играли в дальнем углу в карты, по очереди прикладываясь к горлышку круглой походной фляги.

Мать сидела у окна. Её локоть упирался в подлокотник дивана, а рука привычно теребила висевший на шее кулон – единственное украшение, которым она владела.

На матери было платье и пальто – простое и практичное. Она не взяла ничего другого, и это вселяло в Ив надежду, что путешествие не слишком затянется. Да и нельзя ведь им надолго отлучаться. Кто присмотрит в их отсутствие за «Узелком»? И Клубочек будет скучать.

Ив вздохнула.

– Не ты ли мечтала о приключениях? – горько подумала она. – Извольте получить и расписаться.

Ив твёрдо верила, что во всём городе нет женщины красивее матери. Пусть у неё не было ни жемчужных нитей, которые она могла бы вплести в волосы, ни шёлковых платьев с кружевами на манжетах, её тёмные глаза, глубокие и таинственные, как древние озера, могли заворожить любого мужчину. Её кожа была гладкой и нежной, а волосы мягкими каштановыми волнами падали на плечи, когда вечером она вытаскивала из них шпильки и отпускала на свободу.

Мать... по утрам она причёсывала Ив перед высоким зеркалом. Она делала ей игрушки из дерева и обрезков ткани, а однажды соорудила настоящий кукольный домик, с кроватью и столом и крошечной кухонькой. Она научила её читать, писать, шить и вышивать – и вообще всему, что Ив знала (кроме, разве что, волшебства, которому её никто не учил).

Что же случилось? Отчего теперь девушка глядела на самого родного в мире человека и не узнавала? События этой ночи не укладывались в голове. Да, она знала, что мать – ведьма. Все знали. Женщины, бывало, приходили к ней за помощью: она плела обереги и предсказывала будущее, глядя в чашу с водой. За это она не брала платы, даже у тех, кто мог это себе позволить. Но то была простая бытовая магия, развлечение, граничащее с шарлатанством.

А залечивать раны? Наколдовывать стаю птиц? Взрывать стёкла? Ив не могла сравнить это и со своим волшебством. Нет, её волшебство было тёплым, как солнечный луч и необъяснимым образом... естественным. То, что творила мать в ту ночь, было холодным и неправильным. Ив не могла объяснить, просто чувствовала сердцем.

И тут она вспомнила кое-что. Будто бы открылась доселе запертая дверь, и из глубины памяти на поверхность всплыл один случай, произошедший года два тому назад.

Был разгар жаркого лета, введшего в моду хлопковые платья и веера. Воздух был совершенно неподвижен, и хотя окна в доме стояли нараспашку, это не приносило облегчения.

Одной такой душной ночью Ив внезапно проснулась. Она полежала немного, глядя в потолок и гадая, что же её разбудило. Должно быть, уханье филина в деревьях у дома. В открытое окно светила полная луна, яркая и белая на тёмном небе. Ив перевернулась на другой бок, и уже снова собиралась нырнуть в уютную глубину оставленного сна, когда заметила, что кровать матери пуста. Простыни были не смяты – она даже не ложилась. Страдая от бессонницы, мать иногда засиживалась за чтением... да вот только огни не горели. Дом казался пустым.

Ив вдруг испугалась. Она подождала, прислушиваясь несколько мгновений, и, наконец, не выдержав, выпрыгнула из постели, и тихонько, в одной ночной рубашке, прокралась в гости-

ную. Угли в очаге почти остыли. Кот спал на подстилке. Клепсида отмеряла капельками воды ночные минуты.

Ив прокралась по тёмному дому к входной двери и обнаружила ту незапертой. Она вышла в залитый лунным светом двор. Резкие тени перечерчивали землю под ногами. Ив сделала несколько неуверенных шагов по дорожке, что огибая дом, вела к сараю у дальнего края заросшего крапивой забора.

Двойные двери сарая были чуть приоткрыты, внутри подрагивал огонёк. Ив не подошла к дверям. Какой-то примитивный инстинкт толкнул её в тень, заставил прокрасться, как воровке, к одному из боковых окошек и прильнуть к грязному стеклу. В сарае, грубо сколоченной деревянной постройке, мать хранила мешочки с семенами, огородные принадлежности, старую рабочую одежду. Пол был земляной, в углах между сезонными генеральными уборками скапливалась густая паутина. Несколько громоздившихся ящиков, кособокая вешалка да деревянный стол с разложенными на нём инструментами составляли всю обстановку, оставляя в центре немного свободного пространства. Только теперь каждый сантиметр этого пространства занимали горящие свечи, расставленные вокруг нарисованного на земле знака.

Ив попятилась от окна. Ею овладело чувство, что это – чем бы *это* ни было – не предназначалось для её глаз. Она хотела бежать назад, домой, как вдруг мелькнувшая тень, которая как будто бы загородила на миг свет полной луны, заставила её повернуться в сторону опушки. Там она увидела стаю птиц. Вороны, чёрные, как купол ночного неба, да так много – не пересчитать.

Хоть они с матерью и жили рядом с лесом, Ив никогда прежде не сталкивалась с дикими стаями. Она слышала иногда жуткие истории о том, как птицы нападали на детей или на скот, но всё это происходило по большей части на фермах и в захолустных деревнях, а не в городе. Шум и яркие фонари пугали хищных птиц.

А эти... нет, эти не были похожи на простую стаю. Силуэты чуть подрагивали в лунном свете, как дрожит на слабом ветерке дым от костра. И то ли виной всему была ночь и усталость, то ли со страху у неё разыгралось воображение, но Ив почудилось, что их глаза, горящие молочно-белым потусторонним светом, обращены к ней и следят.

А потом она моргнула – всего-то на мгновение закрыла глаза, а когда открыла, птиц уже и след простыл. Точно вся стая растворилась в воздухе.

Ив бросилась домой, не оборачиваясь. Лишь оказавшись в безопасности постели, она смогла вздохнуть. Несмотря на жаркую ночь, тело пробирала дрожь, и она укрылась с головой, и лежала так, пока не забылась тревожным сном.

Наутро она решила, что всё ей просто привиделось. Мать готовила завтрак, напевая и деловито гремя посудой на кухне.

– Я видела во сне птиц, – сказала Ив, садясь завтракать. – Стаю чёрных ворон.

– О, – мать рассмеялась, – вороны во сне – добрый знак.

«Добрый ли впрямь?»

Ив нащупала в кармане пальто гладкое прохладное серебряное яйцо, которое собиралась подарить матери. Будто тысяча лет миновала! Ив крепче сжала его в ладони, как единственную нить, связывающую с прошлым, и, отворив дверь, шагнула в скупое освещенное купе.

Непривычная к движению поезда, она, шатаясь, добралась до места напротив матери, и плюхнулась на обтянутый клетчатой рогожкой жёсткий диван. Мать не повернула головы, не оторвала глаз от мрака за стеклом.

– Тот человек... – неуверенно начала Ив, – ты прогнала его?

Мать вздрогнула, вырванная из своих мыслей, и, повернувшись к дочери, кивнула.

– На время, – сказала она. – Он не оставит нас так просто.

– Ты с ним знакома?

– Мы знали друг друга... давно.

- Зачем мы ему нужны?
- Он выполняет приказ.
- Чей?
- Того, кто не получит, чего хочет.

Ив обнадёжило то, что вопросы хотя бы не остаются вовсе уж без ответов.

- Куда мы едем?

– На север. У меня есть знакомый в Трекуохе, нужно его разыскать. А там... там будет видно.

- Трекуох, – повторила Ив, вспоминая уроки географии. – Это ведь порт, да? На юге?

- Да, Ив. Нам придётся пересесть на другой поезд.

Мать замолчала и мрачно покачала головой. Усталость лежала на её лице, как глубокая тень, съедая со щёк краски и вытягивая свет из глаз.

Они ехали всю ночь, пока небо на востоке не начало светлеть. Ив задремала на диване рядом с матерью, положив голову ей на колени и подобрыв под себя ноги. Сквозь сон она чувствовала покачивание поезда и руку матери, рассеянно гладящую её голову.

Ей снилось, что они едут в карете под ярким солнцем, а за окном простирается бескрайняя пустыня из золотого песка...

В вагоне уже погасили лампы, когда мать потрясла её за плечо.

- Пойдём, Ив, выйдем на следующей станции.

Господин с книгой исчез – должно быть вышел на одной из ночных остановок. Жрицы завтракали. На столике между ними была разложена салфетка, на ней – крошечные треугольные сэндвичи из белого хлеба, яиц и кружевных листиков салата. Глядя на них, Ив вмиг вспомнила до чего голодна.

- С праздником! – сказала одна из жриц, когда мать с дочерью проходили мимо.

- Благослови вас светлая Богиня, – жизнерадостно добавила вторая.

Мать, занятая своими мыслями, даже не взглянула на них. Похоже, за всю ночь она ни на минуту не сомкнула глаз.

Выпустив мать и дочь на грязный перрон, поезд тотчас же тронулся. Уродливое здание вокзала слепо тарасилось сквозь утренний туман. Городок за решётчатыми воротами – убогий, маленький, из тех, которые поезда торопятся миновать, а пассажиры не замечают – едва начинал пробуждаться. По обочинам дорог лежали вперемешку с грязным неубранным снегом сорванные ветром гирлянды и пёстрые обертки от конфет. Редкие экипажи плелись по узким улочкам, дома стояли тесно, и казалось, о чём-то перешептывались и поглядывали опасливо по сторонам, не приближается ли к ним какой незваный гость.

Мать купила в кассе вокзала карту движения поездов и долго изучала её за столом в зале ожидания. Ив рассматривала в окно пустые рельсы. На перроне кто-то разбросал хлебные крошки, и пёстрые лохматые голуби слетелись на них с соседних крыш.

– Единственный поезд, – сказала мать, – который нам подходит, отправляется завтра на рассвете. Что ж, похоже, придётся задержаться здесь. Идём, нужно снять номер и немного отдохнуть.

- А если нас снова найдут? – спросила девушка.

Мать положила руку ей на плечо и легонько жала:

- Не бойся, Ив. Я сумею тебя защитить.

Почему-то такое заверение прозвучало скорее зловеще, чем обнадеживающе.

Постоялым двором служило деревянное трёхэтажное здание, привалившееся к вокзальной стене, будто ища опоры. Маленькая женщина с пухлыми смуглыми руками мыла окна, энергично орудуя тряпкой. За стойкой в холле никого не было, и им пришлось долго ждать, пока хозяин не вышел к ним, и не отдал ключ в обмен на несколько монет.

Их комната была узкой и длинной, с пятнами дождевой воды на потолке. Единственная кровать была зажата между сундуком и столом. В дальнем от входной двери углу стояла огороженная ширмой раковина. Из окна открывался вид на задний двор, где кошки потрошили мусорные баки в поисках съестного, а на веревках сохло выстиранное белье.

Ив присела на краешек кровати, пытаясь справиться с разбегающимися мыслями – стоило ухватиться за одну, прочие тут же пускались врассыпную, подобно выводку непослушных птенцов.

Мать прошлась по комнате и остановилась у окна. Она избегала глядеть на дочь, и от этого Ив чувствовала себя ещё хуже.

По очереди они умылись над раковиной. Когда Ив открыла кран, трубы загудели и затряслись, и лишь спустя полминуты полилась тонкая струйка холодной ржавой воды. Она ждала, пока раковина наполнится, и разглядывала своё отражение – в коричневой воде оно напоминало фотографию, из тех, на которых богатые дамы изображены в лучших нарядах и драгоценностях, с зонтиком или веером.

Умывшись и причесавшись, Ив следом за матерью спустилась вниз. Завтрак подавали за большим общим столом. Пухленькая женщина принесла им по вареному яйцу, кусочку поджаренного хлеба и по кружке бледно-коричневой жидкости... не то чай с молоком, не то кофе. И особое угощение в честь дня Богини – яблоко на беленькой тарелочке, нарезанное тоненькими дольками и посыпанное сахаром.

К тому времени, когда они закончили завтракать и вышли со двора гостиницы на улицу, город уже окончательно пробудился и теперь готовился к празднику. Утренний туман рассеялся, и те же самые улицы, показавшиеся Ив с первого взгляда неприветливыми и грязными, предстали совсем иными. Прояснилось. Солнце заблестело в витринах и окнах жилых домов, и Ив заметила, что за их стеклами, на подоконниках, сидят нарядные куклы с красными цветами в волосах. Над домами парили гирлянды из золотой фольги – тысячи птиц, их крылья трепетали на ветру.

И без того тесные улочки стали ещё теснее от лотков, на которых уличные торговцы разложили свои товары – пёстрые бусы и перстни с самоцветами, вязаные пинетки из мягкой шерсти, расписные шкатулочки и деревянные резные трубки.

Это был долгий день. Бесконечный даже. Кругом шумели и веселились люди, но Ив будто находилась внутри мыльного пузыря, не пропускающего звуки. А ведь она любила день Богини больше любого другого праздника. Будь они дома, Ив нарядилась бы в новую юбку и танцевала бы до заката, прерываясь лишь за тем, чтобы поесть горячих пирожков или выпить лимонного шербета.

Вместо этого они с матерью гуляли по городу, как два призрака, всё больше в молчании, каждая – во власти собственных тревог.

На площади розовощекие женщины в пуховых платках продавали карамельки на палочках. По краям развели костры и поставили на них огромные чаны с шоколадом, и повариха разливала его поварешкой по глубоким глиняным мискам.

На сцене давали праздничное представление. Куклы разыграли известный сюжет – Богиня дерётся с огнедышащим драконом, похожим на десяток сшитых вместе помпонов. Вот, деревянная кукла с развевающимися шелковыми волосами и в облегающих стан доспехах рубанула мечом, и дракон распался на части под победоносные вопли малышни.

«Мы точно поклоняемся героине приключенческого романа», – подумала Ив.

К обеду мать купила Ив горячую булочку, намазанную горчицей, а себе – круглый лимонный пирожок. Они поели сидя на кровати в гостиничном номере, запивая брусничным соком из кувшина, а оставшиеся крошки высыпали на широкий отлив, и голуби, которых в городе было не меньше, чем крыс, устроили за окном небольшую потасовку.

Ив проснулась и не сразу поняла, где находится. Холодный сквозняк, пробивающийся сквозь щели в окнах, жесткое гостиничное одеяло и сырой запах в комнате грубо вернули к действительности.

За окном стемнело. Шум праздничных гуляний стих. Должно быть, давно перевалило за полночь.

Мать сидела на подоконнике, обняв руками колени. Скучный лунный свет и безрадостная обстановка комнаты создавали композицию, как на картине. Вот – прямоугольник окна, как рама. В нём – острые мрачные крыши и кусок неба. И мать, сидит с краю, будто бы нарочно размещённая там художником, следующим принципу золотого сечения.

Мать пошевелилась, разрушая иллюзию. Она снова трепала кулон – поднесла к носу, вдыхая давно исчезнувший запах.

– Мам? – прошептала Ив.

Мать повернулась к ней.

– Я разбудила тебя, птенчик?

– Нет, я просто...

Она не знала, как закончить, поэтому встала и подошла к матери. Пристроилась на подоконнике, напротив. На мгновение ей почудилось, что мать плачет. Она никогда не видела, чтобы та плакала, и боялась увидеть слёзы. Но мать не плакала. Она просто сидела, опустив плечи, как если бы у неё закончились силы.

– Мам, – спросила Ив, – что происходит? Почему ты не хочешь рассказать?»

Материнский ответ был таким тихим, что Ив с трудом разбирала слова:

– Я хочу, Ив. Я очень хочу рассказать. Но если я это сделаю, всё будет напрасно. Всё, что я сделала, все те ужасные, непоправимые вещи, которые я совершила – лишатся смысла.

Ив не могла представить себе, о каких непоправимых вещах шла речь. В самом деле, что такого страшного могла совершить её скромная милая мама? Зимой она мастерила кормушки для озябших синичек. На праздники готовила печенье с мятой и раздавала соседской ребятне. И кто бы ни постучался в дверь их домика, знал, что там никогда не откажут в помощи. Мать была доброй женщиной. Иногда упрямой. Иногда замкнутой. Иногда излишне категоричной. Но всегда доброй.

– Ты не могла совершить ничего дурного, – решительно заявила Ив.

Мать только хмыкнула, будто говоря: ты меня не знаешь. Но Ив знала. Кого она знала по-настоящему, если не собственную маму?

– Ой, погоди, – Ив схватила со стула своё пальто, и, порывшись в кармане, достала кулон. – Вот, смотри, это я купила тебе. С днём Богини, мам.

Мать, не понимая, посмотрела на кулон, блестящий на ладони дочери. Прошло, наверное, не меньше полминуты, прежде чем она протянула руку и взяла подарок. Поднесла к лицу. Серебряное яйцо, размером с ноготь.

– Тебе не нравится? – осторожно спросила Ив, когда пауза затянулась.

Мать качнула головой, не сводя с подарка глаз.

– Он прекрасен, – она улыбнулась дочери, и всё же что-то было не так.

– Может быть, ты... его примеришь?

Мать кивнула.

Она расстегнула цепочку, на которой висел старый кулон, помедлила, затем быстро, освободила её и продела в ушко нового.

– Помоги-ка.

Ив помогла застегнуть цепочку, а потом мать обняла её, очень – слишком – крепко.

– Обещай мне кое-что, – шепнула она, и дождалась, пока Ив неловко кивнёт, – что бы ни произошло, ты должна помнить, что это правда. Каждое слово. Я люблю тебя больше всего на свете, и все, что я сделала, было только ради тебя.

– Я знаю, мама, – нерешительно проговорила Ив, – я уверена...

Она не успела договорить, потому что в этот момент в коридоре гостиницы, сразу за дверью, раздался пронизывающий и жуткий, будто исходящий из недр самой земли – оглушительный визг.

Глава 10 Воля Арида

ПРЕЖДЕ

По возвращению домой Каю и Ивлин ждала новость. Во время их отсутствия в сто двенадцатый осколок пришло письмо с печатью самого Арида, в котором владыка призывал князя посетить Чертог. Уверенные, что это связано с выходкой дочери, родители Ивлин побледнели. Они долго передавали письмо друг другу, долго мяли его в руках и перечитывали каждую букву. Однако заставлять Арида ждать означало только усугублять положение, а потому князь в тот же день собрался в путь, и, нагрузив кареты подарками, в надежде хоть как-то смягчить гнев повелителя, покинул дворец.

– Он был мрачнее тучи, – перешёптывались служанки. – Недобрый знак! Превратит владыка Арид наш осколочек в песок, и нас всех заодно!

Этот тревожный шёпот достиг ушей путешественниц, как только они оказались во дворце.

– Ступайте работать, сплетницы окаянные, – взорвалась Кая, – пока я вас сама в песок не стерла!

Ивлин же побледнела.

– Это я виновата, – прошептала она. – Ах, Каюшка, как же я виновата! Коли он и вправду хочет забрать у нас свою милость, то я сама к нему поеду, упаду в ноги и буду умолять наказать меня одну, раз уж всё моих рук дело. Пусть заморозит меня и превратит в статую в Чертоге, если ему угодно.

– Не болтай глупостей, – отрезала Кая. – Никто никого замораживать не станет.

Князь отсутствовал три бесконечных дня, и всё это время, Ивлин не сводила взгляда с дороги. Бабочки, вышитые на пологие её кровати ожили и порхали по комнате. Деревянные куклы с обломанными конечностями, раскрашенные лошадки и позолоченные львы, давно забытые в старом сундуке, вылезали наружу и носились по коридорам, пугая прислугу. Шерсть у дворцовых кошек приобрела странные оттенки – зелёные и розовые и оранжевые, как будто кто-то разрисовал их акварелью. Ивлин, бродившая, как лунатик, ничего из этого не замечала, а Кае приходилось бегать по всему замку в поисках проказливых игрушек. Она попробовала отстирать одного из синих котят, но ничего кроме истошных мяуканий и исцарапанных по локти рук не добила.

Наконец, как бывает с ожиданием, оно закончилось. Колокола на башне зазвенели, и на дороге показался князь. Ивлин, делавшая вид, что читает в саду, уронила книгу и бросилась навстречу. Отец спешил, не взглянув на дочь, и скрылся за дверями рабочего кабинета, призвав старого советника.

– Плохо дело, – шёпотом сказала Ивлин. – Что делать, Кая?

– Хочешь, я заварю тебе чай, – предложила служанка, заранее зная, что предложение будет отвергнуто, но не в состоянии предложить ничего лучше.

Спустя несколько часов Ивлин вызвали в кабинет отца, и теперь уж наступил черед Каи ждать и теряться в мучительных догадках. Как же долго тянулось время! Служанка пробовала то вышивать, то читать. Ничего не выходило – она пропускала стежки и строчки, и, в итоге, сдалась и, перевернув песочные часы, стала наблюдать за сыплющимся песком.

С самого раннего детства, ведунья бабка твердила:

«Княжна Ивлин – твоя госпожа. Ты должна защищать её. Ценой жизни, если нужно».

Слова эти так надёжно отпечатались в голове Каи, будто бы кто-то вырезал их раскалённым ножом у неё на черепе. И Кая была готова исполнить долг. Она готова была прыг-

нуть в воду, чтобы спасти юную госпожу. Готова была вытащить её из огня. Готова была – как в рыцарских драмах, которыми они с Ивлин зачитывались – выпить яд, предназначавшийся княжне или заслонить грудью от кинжала. Но как, скажите на милость, было Кае защитить Ивлин от самого Арида? Всё равно, что муравью бороться с мальчишкой, вознамерившимся затоптать муравейник...

Ивлин вернулась, когда в верхней чаше осталась всего-навсего щепотка песка. Она была бледна, но спокойна, и даже как-то... торжественна. Неспешно затворив за собой дверь, она поглядела на Каю, замершую, с неммым вопросом на лице.

Княжна открыла рот, перевела дыхание, будто собираясь с силами. Голос, когда она заговорила, был ровным.

– Поздравь меня, Кая, – сказала она. – Я выхожу замуж.

Слова повисли в воздухе, густые, хоть ножом режь.

– За кого? – выдавила Кая, и не узнала собственного голоса. Будто ворона прокаркала.

– Владыка Арид оказал нашему осколку величайшую честь, выбрав меня в жёны для своего сына, – высокопарно объявила Ивлин, и добавила с кривой усмешкой: – Слова отца, а не мои. Мама так мечтала удачно выдать меня замуж. Куда удачнее, чем за Аридова сына?

Кая задохнулась.

– Он не может. Ты ещё ребёнок.

– Разве?

И правда, Ивлин не выглядела ребёнком, не в тот момент. И дело было не во внешности, а в чём-то другом, что всегда скрывалось в глубине, там, где тени лежали гуще. Просыпавшееся в ней порой тревожащее мрачноватое спокойствие. Будто Ивлин было известно что-то – некое глубокое понимание жизни.

Кая тряхнула головой, отгоняя беспокойное чувство. Глупости! Это ведь Ивлин, её маленькая Ив.

– Тебе нет шестнадцати, – сказала она твёрдо. – Такой закон, он не имеет права.

– Он – Арид, и может делать, что заблагорассудится. К тому же, никто не нарушает закона. Свадьба будет отложена до моего совершеннолетия. Помолвка же состоится безотлагательно, после чего я немедленно перееду в Чертог, как невеста принца.

– К чему такая спешка?

– Не всё ли равно?

– И когда эта помолвка?

– На новую луну.

Значит, меньше месяца...

– Так нельзя, – Кая опустила на софу, пряча лицо в ладонях. – Это неправильно.

– Кая! – Ивлин бросила на неё гневный взгляд. – Арид не предоставил отцу выбора. Всё решено. Больше я об этом слышать не желаю.

В ту ночь Кая не спала, а всё ворочалась в постели. *Два злобных демона*, так Сирена сказала на балу о Вуде и Оре, и эти слова не желали выходить у служанки из головы. Наконец, не выдержав, она встала, в темноте прокралась к двери в горницу Ивлин и прошмыгнула внутрь.

Княжна тоже не спала. Она лежала на спине. Шелковый полог был поднят, а шторы раздвинуты, и луна щедро заливала светом круглую комнату. Кая забралась в кровать и обняла Ивлин крепко-крепко, как делала, когда та была малышкой и просыпалась с криками, одолеваямая ночными кошмарами.

– Он тебя не получит, – прошептала Кая. – Обещаю.

Ивлин тихонько рассмеялась.

– *Он тебя не получит!* – передразнила она. – Милосердная Богиня! У тебя, правда, не все дома, а?

– Вот увидишь.

– А как ты намерена ему помешать, Кая Неустранимая? Как будешь защищать меня от самого Арида?

Они словно поменялись местами. Ивлин вмиг повзрослела, а Кая превратилась в наивного ребёнка, пытающегося доказать, что единороги и впрямь скачут по радуге.

– А что если мы сбежим? – прошептала она, уткнувшись лицом в плечо госпожи.

– И куда же? – Ивлин чуть повернулась, чтобы поглядеть на неё. – Кая! Ну, сбегу я, допустим, а что потом? Если Арид не получит меня, он сожжёт весь наш осколок, даже глазом не моргнёт. Ты этого хочешь? Чтобы наш дворец лежал в руинах? И одни только белые скелеты в песке там, где теперь твоя деревня? Знаешь, давай-ка лучше спать.

Она повернулась к служанке спиной, и вроде бы и впрямь уснула. Кая же не спала. Она думала об одном: что ради госпожи готова была пожертвовать всеми осколками Забытого мира.

Кая ждала, что с вестью о неожиданной помолвке, княжеский дворец с головой окунется в суету, неизменно сопровождавшую торжественные события. Даже в простых крестьянских семьях, помолвки отмечались славно: с угощением и танцами. Тут вам и румяные невесты в пёстрых нарядах, и смоченный элем смех, и резковатая простая музыка. У знати, конечно, другое дело: когда родители Ивлин обручились, и Лилайя приехала в сто двенадцатый юной невестой, осколок украшали ленты, флаги висели в каждом окне, а на улицах без отдыха играли музыканты и выступали актёры и акробаты.

В память о том знаменательном дне, в комнате Ивлин висел портрет – романтическая пастель в обрамлении из серебряных бутонов роз. На ней чета правителей выглядела вовсе не грозно: князь был стройным и прямым, с длинными волосами, заплетенными в косу по тогдашней моде, с тяжелым мечом на поясе, а княгиня – изящная в светло-розовом платье, улыбающаяся и юная. С тех пор минуло уже тридцать пять лет, и едва ли можно было ещё поймать тень той девушки в строгой правительнице.

«А что станет с Ив после десяти, двадцати, тридцати лет в Чертоге?» – с ужасом думала Кая, вспоминая несчастных морских дев и страшных существ, обитавших в сырых пещерах.

Однако месяц шёл своим чередом, а о церемонии никто и не заикался. Не резали скот, не шили наряды. Даже слуги на кухне помалкивали, и только старая подслеповатая кормилица княжны вздыхала и роняла на шитье слёзы.

Ивлин не плакала. Она улыбалась родителям и воровала в кухне сладости. Она пела, сидя за вышиванием в своей круглой комнате-клетке. Она не сбежала с уроков танцев и музыки, а напротив, изучала их с особенным рвением. Но что-то было не так, и Кая была, похоже, единственным человеком во всём замке, от которого не укрылась эта перемена. В ясной глубине глаз княжны поселилась тень, как будто Чертог уже пролил ей в душу каплю тьмы, запятнав то, что некогда было безупречно чистым.

Иногда Кая вспоминала слова Сирены. Та сказала, что могла бы помочь, хотя чем тут поможешь? Да и сама Сирена, далекий заметённый песком осколок и диковинное воспоминание из мира Привратника теперь представлялись полузабытым сном. Лишь царапины, которые оставило на руке ледяное существо, так и не исчезнувшие, а превратившиеся вместо этого в тонкие серебристые шрамы, как будто дикое животное вспорол когтями кожу, напоминали о том, что всё было взаправду.

До новой луны осталась неделя, когда случилось событие, ненадолго рассеявшее оцепенение сто двенадцатого осколка. Посреди ночи к ним прибыл караван.

Созвездие Отшельника, правившее небом над Забытым миром, готовилось уступить место созвездию Старухи. Солнечный день, понемногу шедший на убыль, стал совсем корот-

ким – казалось, не успевало наступить утро, а вечер уж был тут как тут. Караван пришёл прямым из Чертога и прошёлся по улицам осколка, перебудив и перепугав жителей. Во главе длинной процессии ехала карета. Следом шли слуги без лиц, и вели под уздцы огромных, напоминавших яков существ с белоснежной шкурой, светящейся в темноте. Животные были нагружены громадными корзинами с подарками для князя и княгини. Арид не поскупился.

Деревенский народ, заспанный, взъерошенный, сбежался поглазеть на процессию – ничего подобного они в жизни не видывали! – и следовал за слугами Арида на почтительном расстоянии, не решаясь приблизиться.

В наглухо занавешенной карете приехала странная женщина, по имени Юванна – одна из тех обитательниц Чертога, которые редко выходили за его пределы и смертельно боялись солнца. У Юванны была узкая талия, зеленоватая кожа и гладкая безволосая голова. Роста она была просто гигантского, и, входя в комнату княжны, грациозно пригнулась, чтобы не удариться лбом о дверной косяк. При виде этого Кая остро ощутила, насколько тесен и невзрачен в сравнении с Чертогом княжеский дворец.

– Ваши комнаты в Чертоге уже готовы, – деловито и не тратя попусту времени, сообщила Юванна. – Я сама занималась обстановкой и подбирала вещи. Они придутся вам по вкусу.

Никакого сомнения в голосе: придется по вкусу и всё тут. Не предположение – факт.

– А пока, наша главная задача выбрать платье для церемонии. Твоя юность и красота облегчат работу, княжна, – сказала она, и, покосившись на Каю, добавила: – К сожалению, не могу сказать того же о служанке. Не найдется ли в осколке другой девушки, более подходящей для Чертога?

– Кая была со мной с детства, – сказала Ивлин, – и останется при мне.

– Да, только вот если бы...

– Это не обсуждается, – отрезала княжна.

– Что ж... могло быть и хуже, я полагаю, – протянула Юванна тоном, который ясно говорил, что нет, хуже быть никак не могло.

Кае хотелось провалиться сквозь землю, когда глаза демона пробежавшись по её худому телу, остановились на лице.

– Неплохие волосы, и, конечно, глаза – их нужно обязательно выделить. Всё прочее же... а это ещё что за ужасный шрам на руке? Ну да ладно, что-нибудь да придумаем.

Юванна велела куклам-служанкам снять мерки сначала с княжны, а потом и с Каи.

– Мне-то это зачем? – пробовала протестовать та. – Не я же выхожу замуж!

– А чего ты ждала? – спросила Ивлин, усмехаясь. – Что поедешь в Чертог, как была? Есть ведь разница кому служить – провинциальной княжне или невестке самого Арида.

«Невестка ты ему, – подумала Кая, – или пленница?»

Юванна уехала, пообещав Ивлин «самое восхитительное платье, какое когда-либо видел Забытый мир», а спустя неделю Ивлин с Каей самим пришлось собираться в путь.

Ночь перед отъездом была самой длинной в году. Деревенский народ шумно праздновал приход Старухи и с благодарностью провожал Отшельника. Родители Ивлин тоже устроили приём в честь помолвки дочери. Собрали родных и друзей из соседних осколков. Ивлин принимала поздравления и благодарила, её лицо – как хрупкая бумажная маска с намалёванной наспех веселой улыбкой.

Гости разъехались после полуночи. Ивлин, поцеловав отца и мать, закрылась у себя и позволила Кае расчесать и заплести ей на ночь волосы.

В открытое окно ветер нёс музыку и смех.

– Они что, всю ночь будут пировать? – спросила Ивлин.

– До рассвета, а там разожгут костёр, чтобы согреть и задобрить злую Старуху, – объяснила Кая.

Ивлин хмыкнула, ничего не сказав.

– Знаешь, – осторожно продолжала Кая, проводя щёткой по золотым прядям княжны, – мне бы хотелось, чтобы ты хоть одним глазком поглядела на ту жизнь, что кипит внизу, в деревне. Столы ломятся от угощений. Каждая хозяйка принесла своё лучшее блюдо. А они-то умеют вкусно приготовить. Сладкий хлеб с апельсинами, сахарные леденцы и кроличье мясо со сливами. Во дворце такого не увидишь на столе.

Ивлин фыркнула.

– Мать бы с ума сошла, увидев кролика. Она говорит, что они дурно пахнут.

– Вот ещё! Кабы твоя дорогая матушка отведала кролика со сливами, она уж точно влюбилась бы в него, и ничего прочего готовить бы не велела.

– Очень сомневаюсь, – хихикнула Ивлин.

– Не хочешь попробовать? – спросила Кая, заплетая волосы княжны в косу. Та сначала пожала плечами, а потом улыбнулась.

– А знаешь что? Хочу! Надеть бы мне простое платье с передником, как у деревенских девушек, и отправиться на праздник. Перепробовать все вкусы на столах и протанцевать до восхода!

Она вскочила, потянув за собой Каю, и закружила её по круглой комнате.

– А что если так и сделать, – воскликнула служанка, – сегодня же! Давай, Ив! Все уже спят, нас никто не хватится.

Ивлин задумчиво посмотрела на неё, а затем быстро кивнула.

– Почему нет? У тебя найдётся платье попроще?

Часы пробили час ночи, и первая смена ночного караула прошествовала по коридору. Девушки прошмыгнули за спинами стражников, и ковровые дорожки приглушили шаги. Ивлин зажимала рукой рот, сдерживая смех, и Кая чувствовала, как бабочки порхают в животе. Это напомнило одно из их детских приключений, в которые они отправлялись в играх.

Они без труда выбрались в сад, и пробежали по траве, кратчайшим путем, к воротам. Стражник, что стоял в дозоре, конечно же, заметил их, но Ивлин сказала:

– Ты нас не видишь, – и он тот же час повернулся к ним спиной.

– Ты и это умеешь? – прошептала Кая, находившая новые стороны таланта Ивлин, и втайне размышляя, не проделывала ли подобные фокусы госпожа и над ней.

– До сих пор ни разу не пробовала, – достаточно правдиво ответила Ивлин.

Они пролезли меж прутьев ворот и выбрались на волю.

Ночь сияла. Они медленно двинулись по склону вниз, навстречу радостным звукам, оставляя торжественную тишину дворца позади. Ветер приносил аромат сладкой выпечки и уютный запах горячей в очаге душистой травы.

На площади развели костры. На плоских камнях жарилось мясо. Шипящий сок, пропитанный розмарином, наполнял воздух замечательным ароматом. Чуть дальше, в углях пеклась картошка. Её вытаскивали чёрной, как уголь, а когда разламывали, внутри она была белой и бархатной. На столах стояли тарелки с соусами из помидоров, из вишен, из молока – на любой вкус, и люди окунали в них мясо и картошку и ели стоя. Сидр и эль разливали из двух деревянных бочек.

Примостившись на низенькой каменной оgrade, мужчины играли в кости и карты, а в центре площади ни на секунду не прекращались танцы – едва начинала стихать одна мелодия, как её теснила другая.

Ивлин осторожно пробиравась между людьми, прижимая руки к груди и то и дело нервно облизывая сухие губы. Вид у неё был одновременно испуганный и восхищённый.

Каю окликали знакомые.

– Эй, Кая, кто твоя подруга?

– Служанка княжны из сто тридцатого осколка, что приехала погостить у моей госпожи, – с готовностью соврала Кая, и – на тебе! – никто и не подумал усомниться. Простенькая косичка и ситцевое платье с передником – и никто не признал княжну.

Вначале Ивлин наотрез отказывалась танцевать. Она пристроилась на каменной ограде, сцепив на коленях руки, и только смотрела. Есть, она тоже ничего не ела, только согласилась выпить немного яблочного сидра с корицей и душистым перцем.

Заиграли «Пустельгу» – больше игра, чем танец, где девушки и парни бегали кругами и пытались поймать друг друга и втянуть в своё кольцо. Ивлин понаблюдала немного, потом бросив Кае:

– Похоже, не сложно. Я тоже попробую, – присоединилась к одному из кругов.

Кая сидела в сторонке. Её звали танцевать. Она отказывалась, хотя в другое время уговаривать было бы и не нужно. Не в тот вечер. Немного понаблюдав за княжной, которая войдя во вкус простых деревенских танцев, больше не желала покидать площадку, Кая тихонько выскользнула из толпы и пошла по знакомой с детства улице. Звуки и запахи, прикосновение ветерка, скрип песка, укрывающего дорожку под ногами. Такое близкое, такое родное. Как бросить всё это, и ехать в совершенно чужой, страшный и неведомый мир?

Тревожась за княжну, она сама только теперь сообразила, что и ей ведь тоже придётся уехать, бросить то небольшое, что у неё было. Обменять солнечные лучи, и тёплую землю, и аромат цветов на зловещие пещеры Чертога.

И на мгновение Кая отчаянно пожелала не быть больше служанкой княжны. Не так, чтобы уйти и бросить Ивлин теперь, а так, чтобы вообще не знать её. Как если бы бабка вовсе не приводила Каю в замок. Как бы тогда сложилась жизнь? Была бы Кая счастливее, не знай она Ивлин?

Но мгновение прошло, и девушка, сделав глубокий вздох, повернулась и зашагала назад. Над головой уже светлело небо. Пора в путь.

Ивлин танцевала, покрасневшая и счастливая, её ручки в ладонях рыжего паренька, и Кая что угодно отдала бы, лишь бы княжна могла повеселиться ещё немного.

– Ивлин! – позвала она, – нам пора, милая.

И не дожидаясь, первая пошла к замку. Ивлин нагнала её на склоне холма и взяла под руку.

– Спасибо, Каюшка, – сказала она тихо.

Глава 11

Помолвка

ПРЕЖДЕ

Их второй приезд в Чертог разительно отличался от предыдущего. Не было восторженного ожидания. В карете, по пути, Ивлин не сжимала руку служанки. Вместо этого, она сидела неподвижно, сцепив бледные пальцы, полуприкрытые кружевными манжетами.

Сборы в дорогу не заняли много времени. Ивлин приказала Кае уложить всего-то пару любимых платьев да шкатулку с драгоценностями. Сама Кая взяла деревянный кофр, доставшийся от бабки, и бывший единственным, принадлежавшим ей имуществом – старомодный, с бронзовым замком, запирающимся на ключ, и резной крышкой. Внутри Кая сложила мелочи, с которыми не хотела расставаться: ножницы, напёрстки, крошечный наждак в форме сердечка для заточки игл. Несколько книг, также доставшихся в наследство, уместились на дне.

Кая не могла нарисовать жизнь, которая лежала перед ней, отгороженная тончающей с каждой секундой границей. Она снова и снова представляла себе мгновение, когда за ними захлопнутся ворота, отрезая их от всего любимого, от всего знакомого.

«Нет, не от всего», – одёрнула она себя. У неё оставался долг – защищать княжну. Именно это она и будет делать, пусть придётся и нелегко.

Князь и княгиня ехали в карете впереди. Кая то жалела их, то злилась – будь она на месте княгини, будь Ивлин ей дочерью, она бы уж что-нибудь устроила! Точно, не сидела бы, сложа руки, и не всхлипывала впустую.

Тем не менее, чем ближе к Чертогу они подъезжали, тем слабел Каин боевой дух. Магия Арида давила и заставляла поджилки трястись.

Открылись глазам знакомые скалы и за ними – знакомые статуи. Кая обернулась раз, и закатный луч солнца, скрываясь, успел дотронуться, будто утешая, до её лица.

Ворота раскрылись, впуская. Описав дугу вдоль подъездной площади, кареты остановились. Слуги тот же час обступили их. Кая уже начала привыкать к странным, безликим куклам,двигающимся с нечеловеческой быстротой. Несмотря на отсутствие глаз, и ушей, они не были ни слепы, ни глухи, однако, совершенно немы и изъяснялись жестами, которые не составляло труда понимать.

Снова была лодка, но залы, которые они проплывали, были другие, незнакомые. Они причалили к берегу у огромного кораллового шатра, у входа в который их встретила Юванна.

– Скорее, скорее, – поторопила она, – гости уж собираются. Всем не терпится поглядеть на княжну.

Круглый шатёр размерами превосходил комнату Ивлин. Его пространство разделяли спускающиеся с потолка кисейные драпировки, а между ними притаились, как капельки росы между лепестками маленькие чудеса: золотые ванны, наполненные душистой водой, высокие серебряные зеркала, шкафчики из розового дерева инкрустированные бирюзой и перламутром – дверцы заманчиво приоткрыты, ровно настолько, чтобы показать блеск украшений и хрустальных флаконов, хранящихся внутри.

Куклы-служанки суетились. Они помогли Ивлин надеть платье, а Юванна собственноручно заплегла ей волосы. Увидев княжну, Кая ахнула от восторга. Открывающее спину и плечи платье было таким чёрным, что проглотило бы любой осмеливавшийся приблизиться лучик, а стоило Ивлин сделать шаг, как на подоле начинали распускаться сияющие, как звёздная пыль, бутоны: они раскрывали лепестки, но едва ткань переставала колыхаться, прятались вновь, не оставляя следа. Волосы княжны Юванна сплела в косу и убрала под чёрный тюрбан, закре-

пив его диадемой из бриллиантов и сапфиров. На плечи легла белоснежная мантия из меха неведомого зверя.

С минуты Ивлин стояла перед зеркалом, разглядывая отражение, затем протянула руку Кае.

– Ну что же, взгляни и ты на себя! – сказала она со смехом, и служанка послушно подошла и встала рядом. Взглянула, и так и осталась стоять с открытым ртом.

Её платье было сшито из серого шёлка, нежными каскадами струившегося с плеч, до земли. Сборки умело прятали шрамы на предплечье. Украшением служили броши из отполированного обсидиана в серебре, удерживавшие платье на плечах, и пояс, усыпанный алмазной пылью, затянутый на талии. Волосы, которые Кая привыкла туго заплетать, теперь падали на спину, слегка усмирённые вплетёнными блестящими нитями.

– Ты красавица, Каюшка, – прошептала Ивлин.

– Нет, – смущенно пробормотала Кая. – Всё её заслуга.

Она кивнула на Юванну, и та самодовольно кивнула:

– Пф! Само собой, так и есть. А теперь давайте-ка, поторопитесь. Пора, пора.

Они прошли по длинному коридору, пол которого был усыпан самоцветами, а стены покрывали рисунки. До них доносились голоса – точно сотни людей говорили разом. Гигантский улей.

Коридор привел в просторную пещеру, в центре которой разлилось озеро. Гости – вся знать Забытого мира – собрались на берегу, по обеим сторонам, и в нетерпении ожидали появления Ивлин. Она вышла. Голоса смолкли, будто бы волшебство мигом лишило всех дара речи.

Огоньки парили в воздухе, озаряя пещеру чарующим светом. У берега, покачивался на воде стеклянный плот, усыпанный душистыми цветами горечавки.

– Если ты упадёшь, – шёпотом предостерегла Каю Юванна, – я отрежу тебе уши и скорблю их своре. Поняла, служанка?

Кая, которую благополучие собственных ушей волновало в тот момент гораздо меньше, чем прежде, едва обратила внимание на угрозу.

– Нам что, нужно на него залезть? – ахнула она. – Как он нас удержит?

На другой стороне озера ждала площадка из полированного малахита, в центре которой на массивном троне восседал Арид. Он был одет так же, как и на балу, в чёрное. Вуд и Ора стояли по обе стороны от него. Принцесса была прекрасна в пурпурном платье. Несколько тонких серебряных веточек, сплетённых в свободный веночек и сияющих капельками алмазов, украшали её голову. Глаза Оры были опущены, безупречное лицо было неподвижным и как будто вылепленным из воска. Вуд держался прямо, его одежда под стать одежде Ивлин – чёрные доспехи и белый длинный плащ. Он держал руку на рукоятке меча и глядел перед собой.

Родители благословили Ивлин. Князь подвел её к берегу. Кая всё косилась с сомнением на стеклянный плот.

– Он что, хочет уюкошить нас тут же, в первый день? – выдохнула она чуть слышно.

– Хватит дрожать, – прошептала Ивлин. – Мы не утонем, даже если захотим спрыгнуть в воду. *Магия.*

Кае пришлось согласиться. Ариду незачем их топить.

– На счёт три, – улыбнулась Ивлин, и первой ступила на плот. Кая поспешила последовать. Плот даже не покачнулся под их весом – надёжный под ногами, как скала, а невидимые потоки магии подхватили девушек под руки, помогая сохранить равновесие.

Сам собой плот поплыл, медленно и торжественно. Каким, верно, это было зрелищем! Будь Кая в ту минуту среди зрителей на берегу, она бы, конечно, смогла оценить его по достоинству. Знатные господа и дамы так и вытягивали шеи, чтоб лучше разглядеть Ивлин. И было множество тех, кто мечтал бы оказаться на её месте. И всё же, сквозь зависть, то и дело, прорывались приглушенные возгласы: «Так юна! Совсем дитя!» и «Вот бедняжка!»

Любой, имевший глаза, видел, что Ивлин не место в Чертоге.

Плот мягко пристал к берегу. Вуд протянул Ивлин руку и помог перейти на площадку. Она поблагодарила его, наклонив голову, и её щеки чуть порозовели.

Кая шагнула следом за госпожой, но стоило ей ступить одной ногой на твёрдую землю, как потоки магии, помогавшие и удерживавшие её на плоту, видимо, решив, что больше ей их помощь без надобности, исчезли, да так внезапно, что собственное тело вдруг показалось девушке невыносимо тяжёлым и неуклюжим. Подол платья запутался в ногах, и с ужасом Кая поняла, что вот-вот упадёт. На глазах всего Забытого мира! На глазах Арида и всего его семейства!

Она не упала. Кто-то успел подхватить её под локоть и грубовато дёрнув, вернул ей равновесие. Кая подняла глаза и чуть не ахнула, оказавшись лицом к лицу с Вудом. Одно-единственное мгновение каким-то образом растянулось для Каи настолько, что она успела заметить, что глаза принца были глубоко-зелёными, как малахит под их ногами, а ресницы – такими светлыми, будто у него их вовсе не было. Его ладонь обожгла открытую кожу её руки. Бедняжка Кая оцепенела и совсем забыла поблагодарить своего нежданного спасителя. Тот, в свою очередь, убедившись, что неловкая девчонка всё-таки не испортит церемонию, уже снова повернулся к Ивлин и за руку повел её к трону отца.

Княжна дрожала. Она поклонилась повелителю и его дочери, не поднимая глаз. Вуд избегал смотреть на неё. Его отец, напротив, смотрел неотрывно, ни дать ни взять хищная птица, следящая за неподозреваемой добычей.

Церемония была простой и короткой. Сначала – обмен подарками. Ивлин преподнесла Вуду вышивку, над которой трудилась весь месяц, а Вуд надел ей на шею ожерелье из переплетённых золотых и серебряных звеньев.

Церемония завершилась, когда Ора повязала им на руки ленты: чёрную для Ивлин и белую для Вуда. На свадьбе, после совершеннолетия Ивлин, ленты переплетут между собой в знак заключённого союза. Кая заметила, что Ора особенно крепко – с усилием и чуть заметной кривой ухмылкой – затянула полоску ткани на запястье Вуда, и он поморщился, но так и не взглянул на сестру и ничего не сказал.

Так Ивлин стала невестой принца Вуда.

Пир в честь помолвки продолжался семь дней и ночей, за время которых никто не сомкнул глаз. То ли причиной тому был сам воздух Чертога, то ли еда, то ли некие чары, но усталость перестала существовать. Когда торжественная часть осталась позади, всем вдруг сделалось так весело, так беззаботно, как никогда в жизни. Волшебники выпускали в воздух гигантские мыльные пузыри, которые принимали форму то скачущих антилоп, то полнотелых танцовщиц. Показывали представления, где актёры превращались прямо на глазах зрителей в гигантских спрутов. И, конечно же, не было конца танцам. Музыка, что за чудо! Тончайшие композиции из птичьих трелей и журчания ручейков, нежной капли и колыхания крыльев бабочек.

Гостям были открыта целая сотня залов, и в каждом ждали новые и новые чудеса, пересмотреть которые за семь дней нельзя было, ну, никак.

Кая чувствовала магию. Она бурлила внутри фонтаном из фруктового сиропа, и не было сил ей противиться. Губы сами собою растягивались в улыбку. Её тянуло танцевать и петь, и Чертог предстал самым прекрасным на свете местом. Где уж тут спать? Тело больше не нуждалось в отдыхе.

Её увлекали в танце незнакомые, странные мужчины и женщины, люди и полулюди, и она танцевала так, как будто и появилась на свет исключительно для этого. Теперь её место было не среди слуг, где-то там, высоко на антресоли. Каким-то немыслимым образом, она перестала быть невидимкой.

Несколько раз Кая ловила взгляд Ивлин, но не могла его понять. Княжна не улыбалась и смотрела на служанку грустно и немного разочарованно. Похоже, магия Чертога оказалась бессильна против неё. И Кая стало бы совестно, да вот только она не могла вспомнить, что это такое. Она нахмурилась, пытаясь сосредоточиться, и почти уже сумела поймать ускользающее чувство, но новый кавалер увлек её прочь, и она снова потерялась в пестром, хмельном водовороте.

Семь дней пролетели, как семь мгновений. Протрубил рог, отмечающий завершение торжества. Гости, потерянные, оглушенные тишиной, от которой успели отвыкнуть за неделю буйного праздника, разъехались по осколкам. Безликие служанки взялись за уборку.

А Кая заснула в какой-то нише, как механическая кукла, у которой кончился завод. Она проснулась оттого, что Юванна грубо трясла её за плечо, и, взглянув в рассерженное лицо, разрыдалась.

Глава 12

Вуд и Ора

ТЕПЕРЬ

Пронзительный визг донесся из коридора, и Ив прижала ладони к ушам, тщетно пытаясь защититься от него.

Мать вскочила. Её взгляд метнулся к двери, затем к дочери.

– Ив, слушай, – она стиснула её плечо. – Если мы разлучимся, продолжай путь. Отправляйся в Трекуох. Если смогу, я найду тебя там. Отыщи...

Звук за дверью переменялся. Визг сменил страшный грохот – что-то ломалось, трещало, грохотало, будто некое чудовище пробиралось по гостиничному холлу, круша и ломая всё, что попадалось на пути.

– Отыщи человека, которого зовут Старьёвщик Айра. Он поможет. Ответит на вопросы.

– Что значит, если мы разлучимся? Мама, я не...

Но мать уже не слушала. Схватившись за облезлую раму, она распахнула окно, и студёный ночной воздух ворвался в комнату.

– Иди сюда. Скорей!

Ив выглянула наружу. Внизу белел тонкий слой свежеснеженного снега. Мелкие снежинки летели в лицо, подгоняемые ветром. Внизу, между первым и вторым этажами, опоясывал здание хрупкий на вид межэтажный карниз.

– Прыгай, – приказала мать, – прыгай и беги, не оглядываясь.

Пальцы матери были как стальные тиски, когда она схватила Ив за предплечье и толкнула в сторону окна с такой силой, что девушка едва не вывалилась наружу.

– Давай!

Ив перелезла через подоконник, выбралась на отлив, поглядела вниз. Карниз проходил низко и казался до крайности ненадежным – до того ненадежным, что спрыгнув на него, девушка могла запросто его сломать. Но альтернатива – ждать, пока до них доберется то невообразимое нечто, издающее страшный нечеловеческий визг и грохот – была куда хуже.

Ив прыгнула, приземлилась на карниз, ободрав колени и едва не перевалившись и не ухнувшись вниз.

Девушка вскинула голову. Она ожидала увидеть мать, выбирающуюся следом за ней, но в окне никого не оказалось. Шум, грохот и вой вырывались наружу, будто целая стая хищных зверей носилась по комнате.

– Мама! – взвизгнула Ив. – Мама! Где ты?

Окно было высоко – никак не дотянуться, назад не забраться. Она всё же попыталась, балансируя на карнизе, поднялась на цыпочки, отыскивая какую-нибудь опору, уступ или выступающий кирпич в стене здания, на который она могла бы опереться... нет, без толку! Стена была ровная, а окно – вне досягаемости.

Что же делать?

Ив спрыгнула вниз, на землю, не оставляя себе времени на страх. Неуклюже приземлилась, поскользнулась и упала лицом в снег. Кожу обжег холод. Тонкая ткань платья мгновенно промокла. Не важно. Ив вскочила и бросилась к задней двери, что вела из внутреннего двора в гостиничную кухню.

Там царил мрак, хоть глаз выколи. Запахи топленого жира и подгоревшего хлеба въелись в стены. Ив налетела на что-то в темноте, загрохотала падающая на пол посуда, но девушка не мешкала. Она побежала к двери, из-под которой лился свет, и, толкнув её, выбежала в коридор.

Испуганные люди выбегали из комнат. Кто-то собирал вещи, кто-то бежал прочь, к выходу, набросив пальто поверх ночной сорочки.

Лестница, ведущая наверх, выглядела так, будто по ней промчался слон. Перила и балясины валялись сломанные, разбросанные повсюду. На стенах чернели следы оставленные будто бы когтями огромных птиц. И нарушая материнский приказ, Ив бросилась вверх по лестнице, на второй, а затем и на третий этаж.

Наверху наступило затишье: угасли и шум, и визг, уступив место почти торжественному безмолвию. Коридор был ввергнут в хаос. Столики, на которых ещё час назад чахли в горшках цветы, лежали перевернутые. Растения были втоптаны в ковровую дорожку, вперемежку с землей и керамическими черепками. Двери соседних комнат были выбиты.

Ив едва не бросилась бежать. Она боялась столкнуться с существом, натворившим это. Воображение рисовало чудищ, поджидающих в каждом тёмном углу, и инстинкт твердил: «Беги! Беги! Мать ведь велела тебе бежать!»

Ив не побежала. Она пошла по коридору, сжимая кулаки так сильно, что ногти больно впивались в ладони, оставляя на коже отметины. Медленно, шаг за шагом, она приближалась к предпоследней двери, готовая, если придётся, драться и кусаться и царапаться – что угодно, лишь бы добраться до матери.

Дверь в их комнату превратилась в груды щепок. Ив переступила порог, вслушиваясь в тишину сквозь грохот сердца. Комната, которую она покинула всего минуту назад, изменилась до неузнаваемости. Будто торнадо прошёл!

Но матери здесь не было. Как не было и страшных чудищ, чей вой и визг Ив слышала.

Перебравшись через сломанную мебель, она подошла к распахнутому окну. Что-то звякнуло под её подошвой, и она опустила взгляд, наклонилась и подобрала с пола старый кулон, который мать сняла с цепочки, чтобы заменить тем, что ей подарила Ив.

Слух уловил звук приближающихся шагов в коридоре. Ив обернулась, машинально сунув украшение в карман. Спрятаться было негде. От мебели остались одни обломки. Ив метнулась в тень, умоляя ту укрыть себя от чужих глаз.

– Меня не видно, – зашептала она, – меня не видно.

В комнату вошёл кто-то. Мужчина. Он тоже подошёл к окну, и его волосы блеснули в свете луны темной медью. Тот самый незнакомец, напавший на них на вокзале.

– Ты где-то здесь? – спросил он, и Ив задрожала, прижимая ладони к губам, чтобы случайных вздох не сорвался с губ и не выдал её.

– Ивлин, я чувствую, что ты здесь, – продолжал мужчина. – Покажись. Нам нужно поговорить.

Ивлин? Поговорить?

Его глаза скользнули по комнате, вглядываясь в тени. Вот, он посмотрел прямо на неё, и сердце ёкнуло в груди – заметил! – но нет, он отвернулся, медленно пошёл по комнате, ступая бесшумно, точно призрак.

– Ивлин, – продолжал он, – тебе страшно, но я – не тот, кого следует бояться. Я не враг.

Он обошёл комнату и снова вернулся, встав рядом с ней. На этот раз ещё ближе, чем раньше – так близко, что мог, наверное, услышать бешеный стук её сердца. Его глаза скользнули по ней, мимо... и вновь к ней. Теперь он смотрел ей прямо в глаза.

– Я вижу тебя, Ивлин.

Она отпрянула, налетев на что-то, едва не упав. Их разделяло несколько шагов, и полоса лунного света, льющегося в окно. За спиной мужчины сгущались по углам живые тени. Ив поняла, что они преградили ей путь из комнаты.

Лампы были потушены, но Ив попросила их зажечься, и они вспыхнули. Тени вскинулись, как муть на дне пруда поднимается, потревоженная упавшим в воду камнем. Мужчина поморщился, приложил руку к глазам, но не отступил ни на шаг.

– Вижу, твой талант никуда не пропал, – заметил он.

В ярком свете он выглядел старше, чем она подумала при первой встрече.

– Где моя мама? – потребовала Ив, вложив в голос всю силу, на которую была способна в тот момент. – Что ты с ней сделал?

– Ничего, клянусь. Я понятия не имею, где она.

Он мог лгать, и у неё не было возможности проверить.

– Не подходи ко мне, – предупредила Ив. – Ни шагу ближе.

– Договорились.

Как будто улыбка тронула на мгновение уголок его губ, но скорее всего ей просто при-
виделось. Его глаза не улыбались.

– Кто ты такой?

– Моё имя Вуд.

– Почему ты зовёшь меня Ивлин?

– Разве это не твоё имя?

– Нет.

– Стало быть, я ошибся. Ты напоминаешь мне девушку, которую я знал.

– Откуда ты знаешь мою маму?

– Мы были друзьями, когда-то давно.

– Друзья так себя не ведут. Не пугают и не преследуют посреди ночи, – её пальцы сами собой сжались в кулаки. – Что тебе от нас нужно?

Вуд вздохнул. Он выглядел усталым. Словно на его плечах лежала тяжёлая, опостылев-
шая ноша.

– Это не просто объяснить. Мне нужна твоя помощь, а тебе нужна моя.

Что-то в нём – в лице, в голосе – было ей смутно знакомо. Как если бы она видела его во сне. Она бы, возможно, могла поверить ему, если бы не странные тени, скалящиеся за его спиной. Если бы не слова матери – *не верь ему, он просто выполняет приказ...*

– Нет, не нужна, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

Вуд открыл рот, чтобы ещё что-то сказать, но Ив крикнула:

– Задержите его, – и тут же почувствовала, как задрожал пол под ногами. С треском и грохотом из соседних комнат начали выбираться столы и стулья, кровати и кресла. Сперва, неуклюжие на переломанных деревянных ногах, они переваливались из стороны в сторону, но приближаясь к демону, забывали о том, что они – всего-то мебель. Их движения становились плавными и сильными. У них появлялись лапы и когти и клыки, и скоро уже целое стадо невероятных существ неслась на защиту.

Вуд поднял руку, и лампы взорвались. Свора хлынула из теней, навстречу диковинной армии. Но сам Вуд не сделал ни шага.

Ив бросилась к двери, сквозь хаос, сквозь грохот и треск ломающегося дерева, прикрывая руками голову.

– Тебе нужна моя помощь, – крикнул Вуд ей вслед. – Ивлин!

Ив уже не слушала. Она выбежала из комнаты, и понеслась, не оглядываясь, по коридору гостиницы и на улицу.

Она бежала, и мысли бились в голове, как стая птиц. Они хлопали крыльями и кричали, требуя внимания. Ив отмахивалась. Она не могла задумываться – только не сейчас. Если она начнёт, то мысли погребут её под собой. Она могла бы подумать о словах Вуда. Или о том, что впервые она использовала свой дар в качестве оружия – пусть и для самозащиты. Или она могла бы подумать о том, откуда вообще взялся у неё этот дар. Она никогда не считала его чем-то странным: он был такой неотъемлемой её частью, что такое даже не пришло бы ей в голову. Но теперь ей пришло в голову, что она упускает что-то важное, как будто картина,

на которую она смотрела с рождения и считала законченной, вдруг оказалась всего-навсего малым фрагментом некоего громадного полотна.

Нет, сначала она отыщет мать, а потом будет время и для раздумий.

Она бежала и бежала, пока не выбивалась из сил. Тогда она останавливалась, привалившись к стене, ловя ртом воздух. Затем бежала снова. Ночь опустошила улицы. Лишь изредка ей встречались полуночные прохожие: пропахшие выпивкой и табаком группы молодых людей, или одинокие фигуры, ступавшие нетвёрдым шагом, или просто туманные очертания, проскальзывающие мимо, выхваченные из ночи уличным фонарём.

Ветер кружил снежинки, звал поиграть с ним. В иное время она, может быть, поддавалась бы на уговоры – ветер был давним другом.

– Где моя мама? Отведи меня к ней! – взмолилась она вместо этого.

Но ветер не знал и не мог ей помочь.

«Какая дивная ночь! – легкомысленно восклицал он. – Оглядиись! Разве не чудесно?»

Ив остановилась, потому что не могла больше бежать. Тонкое платье не защищало от холода, но в легких пылал огонь и не давал замерзнуть.

Вот уже блестящий центр остался позади. На смену ему пришли жилые кварталы. Ив смотрела по сторонам. Огни в окнах давно погасли. Обитатели спали в своих постелях. Удивительная безмятежность воцарилась вместе с выпавшим чистым снегом.

Тут ветер нежно погладил девушку по щеке.

– Следуй за мной, – прошептал он, – я покажу.

Ветер вывел её на круглую площадь, в центре которой стояла одетая в снег Богиня. Волосы статуи развевались, в руке она держала меч, наконечник которого был устремлен в небеса.

Мать действительно была здесь, но не одна. Рядом с ней стояла высокая женщина. Звезды сияли в её тёмно-рыжих волосах – таких же, как у Вуда, а в руке она держала кнут. Повсюду были птицы – чёрными кругами, подобно смерчу, они носились по площади. И что-то ещё. Ив не сразу смогла разобрать в темноте, среди мечущихся теней... чудовище, каких она никогда не видела – каких попросту не должно существовать в природе. Демон.

Рыжеволосая женщина ударила кнутом по земле. Птицы взвились, на миг поглотив и без того скудный ночной свет. Ив вскрикнула в испуге, а чудовище взмахнуло крыльями и, оторвавшись от земли, бросилось к матери.

Ив побежала, не зная, чем сможет помочь, но не успела сделать и двух шагов, как раздался треск, и удар кнута сбил её с ног. Она упала в снег, на спину, и кто-то – та женщина, что была с матерью – склонился над ней.

– Ивлин, – пропела она, – давно не виделись, сестричка.

Ив хотела подняться, но рукоятка кнута впилась в грудь, заставив лежать смирно.

– Жалкое зрелище, – женщина разочарованно цокнула языком. – Куда же подевались твои расчудесные силы?

И правда. Ив пыталась придумать что-нибудь, вот только вокруг не было ничего, что она могла бы использовать, только сырой снег и темень.

– Хочешь увидеть мать, – кнут исчез, и следом, женщина тоже растворилась во мраке, – поспеши отыскать их.

Ив вскочила, озираясь. Площадь опустела: ни рыжей женщины, ни ворон, ни демона. Ни матери. Только усыпанный птичьими перьями снег, да и те таяли на глазах, а оставшиеся клочки уносились вместе с ветром.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЧЕРТОГ

Глава 13 Поезда

ТЕПЕРЬ

Ив сидела на скамейке и смотрела, как поезда один за другим проносятся мимо. Пришло холодное утро. Снежная шаль укрыла перрон, и птицы рисовали на ней лапками тонкие сложные узоры. Людей почти не было. Должно быть, городок всё никак не мог отоспаться после бурного празднования.

Приближение поезда предвещал звук – нестройный прерывистый гудок. Следом слышалось шипение пара, вырывающееся из глубины механической громадины. Стук колёс, скрип и скрежет. Звуки, сначала тихие, но стремительно нарастающие, сливались в неистовый ритм и гремели всё яростнее, пока не захлёстывали мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.